

Алексей Тенчой

КИНОПОВЕСТИ

Три главные составные части фильма:
сценарий, сценарий и еще раз сценарий

Алексей Тенчой

**Киноповести. Три главные
составные части фильма:
сценарий, сценарий
и еще раз сценарий**

«Издательские решения»

Тенчой А.

Киноповести. Три главные составные части фильма: сценарий, сценарий и еще раз сценарий / А. Тенчой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859654-4

Это сборник мистических историй о силе веры, добре, чистых помыслах, героями которых являются простые жители нашей необъятной Родины, попавшие в передряги 20 века, самого кровопролитного в истории человечества. Эта книга является сборником киносценариев для будущих художественных фильмов. И как точно сказал знаменитый Алфред Хичкок: «Фильм должен начинаться с землетрясения, а потом напряжение должно нарастать».

ISBN 978-5-44-859654-4

© Тенчой А.

© Издательские решения

Содержание

Ганьжима	6
Щемилов	19
Сосед	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Киноповести

Три главные составные части фильма: сценарий, сценарий и еще раз сценарий

Алексей Тенчой

© Алексей Тенчой, 2017

ISBN 978-5-4485-9654-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ганьжима

История эта началась давно, еще в 1991 году. В Агинске, в Забайкалье. Однажды вечером Ганьжима поняла, что муж ей изменяет. Она и раньше догадывалась, но никаких доказательств у неё не было.

А сегодня Баир пришёл домой пьяный, от него пахло сладкими духами, и он сразу лег спать. На его рубашке Ганьжима обнаружила следы красной губной помады. Как будто за мгновение вся ее жизнь пролетела перед ней.

Пять лет тому назад они поженились, вот молодая семья празднует свадьбу с друзьями за огромным столом. Вот они закончили учиться и живут в общежитии. Он в ней души не чает, и дарит новые платья, вот они отдыхают на море. Вот два года тому назад они празднуют новоселье – им дали квартиру из жилищного фонда торговой сети.

Не заладилось у них год назад. Баир хотел детей. Когда получили квартиру, Баир опять заговорил о детях. Ганьжине было тридцать четыре тогда. Молодая женщина не жаловалась на здоровье, но почему-то не беременела. Сестра Ганьжимы и свекровь настаивали на том, что ей нужно лечиться.

Она сходила к врачу, тот прописал курс лечения, процедуры и сказал, что еще нужно ехать в санаторий лечиться и отдыхать.

И на лечение и на отдых нужны были деньги и время. А в это время у Ганьжимы начался карьерный рост, ей обещали хорошую должность, и уехать означало упустить эту должность.

На работе, посоветовавшись с лучшей подругой, и обсудив все возможные варианты, в том числе, что она молода и красива, а должности просто так не валяются на дороге, Ганьжима выбрала карьерный рост.

Подруга говорила:

– Никуда твой муженек не денется, а ты будешь хорошо зарабатывать, должность у тебя будет хорошая, и деньги появятся, так и на море в санаторий съездишь.

Такие слова нравились Ганьжине, и она перенесла лечение и отдых на потом, тем более что детей ей не хотелось – она говорила, что хочет пожить для себя.

Баир предлагал купить путевки, он говорил, что займет денег на санаторий, но Ганьжима все разговоры на тему лечения и отдыха переводила к беседам на другие темы. Баир все понял, и разошелся. Он не мог смириться с тем, что жена не хочет от него детей, для него это было равносильно предательству. Ганьжима и Баир теперь стали часто ругаться. Он придирался ко всему, и по поводу и без. Говорил, что она плохая жена, что не любит его, что плохая хозяйка, находил мельчайшие недостатки. Ганьжима понимала причины, но думала про себя: «перемелется». Однако вышло иначе.

Теперь, глядя на пьяного Баира, она лихорадочно соображала. В голове мысли перепрыгивали с одной на другую: «Я пожинаю плоды своей беспечности!». За этой мыслью пришла другая: «Надо что-то делать!», «Учинить скандал!», «Найти соперницу и наказать!», «Пойти к шаманке?». Ганьжима остановилась на последнем варианте.

На следующий день с утра она пошла к шаманке.

Когда-то она уже пользовалась ее услугами, когда только познакомилась с Баиром. Она вошла в обычный подъезд трехэтажного дома, позвонила в дверь на первом этаже. Ей открыла полная женщина, простоволосая, в бордовом бархатном домашнем халате, в мягких тапочках на небольших каблучках. Ганьжима прошла за шаманкой по темному коридору и вошла в темную комнату, которая была заставлена мебелью. Из полумрака со стен на нее смотрели какие-то портреты, в центре комнаты стоял стол, покрытый тяжелой темно-зеленой скатертью. Ганьжима села за стол рядом с зеленой лампой и стала разглядывать хрустальный шар, чернильницу, пучок перьев в резном стакане, какие-то косточки на блюде, колоду карт. Ничего

не поменялась за пять лет, с тех пор как она была тут единственный раз, когда гадала про Баира, и получила от шаманки приворотное зелье. Шаманка села в кресло напротив.

Ганьжима со слезами рассказала ей, что муж изменяет, что пьяный приходит домой. После чего положила на стол фотографию Баира.

Шаманка взяла снимок в руки, приподняла на лоб дымчатые очки и стала разглядывать фото. Затем резко перевела глаза на Ганьжиму, словно уколел её взглядом.

Ганьжима отшатнулась от такого резкого, пристально-го и колючего взора. У неё было ощущение, что шаманка залезла внутрь нее, узнала все сокровенные мысли. Это было неприятно, Ганьжима вздрогнула.

– А ты достойна лучшей участи, милочка, – сказала шаманка и рассмеялась, – это говорю тебе я, Алдана!

Ганьжима опустила глаза, ей был неприятен колючий взгляд, переворачивающий всё внутри. Она не ответила на лестные слова, промолчала. Compliments сейчас Ганьжиму не интересовали.

– Хочешь вернуть мужа? – спросила Алдана, глядя на Ганьжиму из-под очков.

Ганьжима кивнула.

– Тогда делаем так: ты принесёшь мне кусочки его ногтей, его волосы, которые возьмёшь с расчёски и каплю кро-ви. Опять же его...

Ганьжима задумалась, где и как ей достать кровь? Алдана продолжала:

– Мы совершим ритуал, и он у нас заболеет. Да так заболеет, что не сможет выходить из дому. Ты будешь ухаживать за ним, и однажды скажешь ему, что если он не оставит свою любовницу, то умрёт. Услышав такие слова, он согласится. И как только он согласится, как только пообещает оставить любовницу, я дам тебе зелье, выпив которое, он пойдёт на поправку.

План Ганьжиме понравился, и она принялась за его осуществление. Стала собирать волосы, ногти и кровь.

Труднее всего было с кровью. Надо было, что бы муж порезался, но он не резался. Однако он грыз ногти, и иногда сгрызал их до крови. Особенно когда нервничал. Однажды она поймала его на этом. Увидела, как из под ногтя, выступила кровь. Взяла платок и обвязала мужу палец. Баир был тронут, он обнял жену и тихо сказал:

– Как же, однако, ты меня любишь!

Ганьжима смутилась от этой ласки. «Если бы он знал, зачем мне нужна его кровь!» – мелькнуло в её голове, и тут же она вспомнила слова Алданы: «Ты достойна лучшей участи, милочка!».

Собрав все нужные ингредиенты, она пошла к шаманке на следующий день.

Однако перед ее подъездом Ганьжима увидела милицейскую машину, и, испугавшись, и почувствовав неладное, не стала входить в подъезд, а присела на скамеечке в центре двора. Вскоре, два милиционера вывели Алдану в наручники и посадили в машину. Машина уехала.

Так и не получилось у Ганьжимы осуществить задуманное. Через несколько дней, вечером, придя после работы, Баир сообщил Ганьжиме, что уходит от неё. Он стал быстро собирать свои вещи в старый чемодан. Вещей было много. Ганьжима сначала безучастно наблюдала за сборами. Потом разозлилась, потом стала плакать. Потом стало нехорошо – закружилась голова, перехватило дыхание, она оперлась о дверной косяк. Наконец она поняла, что теперь нужно сказать:

– Не уходи! Я буду лечиться!

Ей захотелось взять его за руку, но в этот самый момент голос внутри неё произнёс: «Ты достойна лучшей участи, милочка!». Это был голос Алданы.

Затем зазвонил телефон. Она сняла трубку и услышала голос начальницы Савельевой Ульяны Николаевны. Та сообщала, что она назначена директором бензоколонки.

Пока Ганьжима разговаривала с начальницей, хлопнула дверь. Баир ушёл.

Она не смогла остановить его, и даже не поговорила с ним. Некоторое время она успокаивала себя тем, что он позвонит. По вечерам она прислушивалась к шагам на лестнице – вдруг Баир вернется.

Подруга на работе предложила поменять ключи в замке и искать нового мужа, дескать, Баир не понимает, какое сокровище он бросил. Но Ганьжима не стала этого делать, надеясь, что муж одумается.

Некоторое время она успокаивала себя тем, что он вернется. Но прошла неделя и этого не произошло. Ганьжима рассказала о случившемся сестре Хорло и друзьям.

Мнения разделились. Друзья считали, что виноват Баир, Хорло винила сестру.

Кто-то из друзей посоветовал:

– Обратись к шаманке!

– Я уже была у неё.

– И что?

– Её милиция при мне арестовала... Не знаю, правда, за что?

– Иди к другой. Что их мало что ли?

«И правда, как я сама не догадалась?» – подумала Ганьжима. В тот же день она отыскала несколько объявлений, приглашающих к шаманам.

Вторая шаманка посмотрела на принесённые ингредиенты, выслушала о том, что обещала Алдана, затем хлопнув длинными ресницами, произнесла:

– Я могу сделать так, что бы ваш муж заболел, но он уже от вас ушёл. И если он ляжет, то будет лежать не у вас дома. Вам это надо?

Ганьжима задумалась и спросила:

– А вы можете сделать так, чтобы у него с другой женщиной ничего не получилось? Вы, понимаете, что я имею в виду?

– Я такого сделать не могу, но вот вам книга, – шаманка взяла с полки старый фолиант и поставила на стол: – здесь описано много разных ритуалов. Почитайте, может вам удастся найти, то что вас интересует...

Ганьжима долго разглядывала книгу, и в конце концов нашла то, что искала. Обряд назывался разрушение любовных связей. Для его осуществления помимо имеющихся ингредиентов требовалась фотография разлучницы.

Выяснить, кто разлучница, и найти её фотоснимок, оказалось делом не хитрым. Помогли друзья. Оказалось, что Баир ушёл к студентке иркутского института торговли, приехавшей на практику.

Ганьжима сама провела обряд. Здесь мы не будем опускаться в подробности, и рассказывать о том, как всё происходило. Достаточно сказать, что студентка, прервав практику, уехала из Агинска. В тот же день, когда разлучница, уехала, Ганьжине приснилась Алдана.

Одетая в белую шубу, с золотой диадемой на голове она, улыбаясь, сказала: «Я же говорила, ты достойна лучшей участи! Поздравляю, теперь ты сама стала шаманкой! Я передаю тебе всю свою силу! И ты станешь самой сильной в округе!».

Проснувшись в поту, Ганьжима сразу побежала к дому Алданы. Но дверь оказалась закрытой. Она пошла в милицию и стала выяснять, где находится шаманка. Назвала имя, адрес. Дежурный офицер, просмотрев данные в журнале сообщил, что у них была в заключении Алдана Ханхалаева, но она уже неделю как умерла.

Известие неприятно резануло душу Ганьжимы. Слова: «Я передаю тебе свою силу!» – теперь стали понятны. Она слышала от окружающих, что шаманы, прежде чем умереть, должны передать свою силу кому-то из окружающих.

Домой Баир не вернулся. Он попросился жить в обще-житие горторга. Но несмотря на это, Ганьжима успокоилась по поводу мужа. Она знала, что теперь у Баира нет любовницы, и этого было достаточно.

Она позвонила сестре, чтобы поделиться приятными новостями. Хорло слыла человеком набожным и осуждала всякое шаманство.

– Не шамань больше! – резко произнесла Хорло и до-бавила: – Сама виновата, если бы лечилась, сейчас были бы дети. Никуда Баир от тебя не ушёл бы! Дети, знаешь, как держат?

– Я его и так верну, – возразила Ганьжима.

Как уже говорилось, её назначили директором бензоколонки. Она приступила к своим обязанностям. Ей нравилось быть директором, к тому же оклад был выше, чем на её предыдущей должности. Больше почёта. С ней раскланивались все автомобилисты, называли её не иначе как «королевой бензоколонки».

Лет тридцать назад был фильм с таким названием. С известной актрисой Румянцевой в главной роли. Ганьжима чем-то была похожа на Румянцеву, такая же маленькая, такая же кругленькая, только волосы чёрные. Вот её так и называли.

Ей казалось, что Баир узнав о повышении, вернётся, но этого не случилось. Что и говорить, мы предполагаем, а жизнь располагает.

Однажды тёмным вечером, возвращаясь с работы и проходя мимо продовольственного магазина, она заметила за витриной знакомую куртку.

Пригляделась, это и в правду был Баир. На двери магазина красовалась крупная надпись: «Закрыто». Но внутри горел свет настольной лампы. За столом сидели два человека: продавщица и Баир.

Продавщицу она знала. Это была Катя Цыренова. Метиска, наполовину русская, наполовину бурятка.

Горько и одновременно, любопытно было смотреть на мужа, который улыбается другой женщине.

Тем временем Екатерина взяла со стола бутылку коньяка, раскрыла её и налила содержимое в стакан, стоящий перед Баиром. Он выпил, закусил кусочком плавленого сыра, и они весело стали что-то обсуждать. Может быть даже саму Ганьжиму.

Ганьжима стояла возле витрины и наполнялась злобой. Стояла готовая, взять палку и разбить витрину, но палки рядом не было. Тем временем Цыренова взяла с подоконника навесной замок и поднялась с места. Вслед за ней поднялся и Баир. Потушив свет, они вышли из магазина.

Самое время было вцепиться в волосы сопернице. Но Ганьжима продолжала искать палку.

А Екатерина вешала в это время навесной замок на дверь. Баир улыбаясь сказал:

– Можно было ещё посидеть? Чего встали?

– Встали, потому что коньяк кончился. А тебе ещё хочется, я же вижу по глазам!

– Ты хочешь сказать, что у тебя ещё где-то есть коньяк?

– Конечно, есть. Дома аж пять бутылок.

Замок не закрывался. Катя безуспешно вертела ключом.

– Дай мне, – сказал Баир и взяв замок, стал вертеть ключом сильнее. Наконец удалось закрыть капризный замок.

– Спасибо, – сказала Екатерина, облегчённо вздохнув.

Баир улыбнулся и спросил:

– Если не секрет, на чём ты делаешь деньги? У меня дома даже бутылки вина нет, а у тебя аж пять коньяка?!

– Уметь надо жить! —ответила Екатерина и расхохоталась.

– И всё-таки?

– Есть много способов.

– Расскажи хоть один?

– Скажем, покупательница выбрала мясо на витрине. Ты вынимаешь из витрины мясо и кладёшь его на обёрточную бумагу, а потом вместе с обёрточной бумагой на весы. Но у тебя поверх обёрточной бумаги лежат кусочки мелко-нарубленной кости, которые прилипают к мясу и увеличивают его вес на пятьдесят- семьдесят грамм. Всё это происходит мгновенно. Покупатель берёт мясо и уходит довольный. За день таких мелконарубленных косточек, я продаю на два-три килограмма. Это в два раза больше моего оклада...

Ганьжима находилась рядом за кустами шиповника и всё слышала. Она с новой силой стала искать палку, и в этот момент ей в глаза бросился телефон в телефонной будке. Мысль ударить соперницу, сменилась на другую.

Она подошла к телефону, сняла трубку. Услышав гудок, бросила монетку и набрала номер управляющей горторга Савельевой, той самой Савельевой, которая назначила её директором бензоколонки.

Несмотря на поздний час, управляющая работала в своём кабинете и сняла трубку.

Ганьжима нервным от волнения голосом рассказала, о том, как ворует Цыренова и потребовала сделать ревизию в магазине где она торгует.

Савельева выслушала требование, и произнесла:

– Ты так нервно и рвано говоришь, что я ничего не поняла. Приди ко мне в кабинет, и объясни, что случилось.

На самом же деле управляющая всё поняла. И как подсовываются куски косточек в мясо, хорошо знала. Но ей требовалось лично поговорить с Ганьжимой в момент её нервного психоза. Именно в такие моменты человека легче всего поймать на слове, уговорить на что-то...

Когда Ганьжима вошла к ней в кабинет и стала заново рассказывать о том, как Цыренова обманывает покупателей, Савельева прервала её словами:

– Напиши всё это на бумаге.

Ганьжима написала жалобу. Ульяна Николаевна взяла лист и сказала:

– Я знаю, что Цыренова ворует. И не ты первая мне говоришь об этом. Многие знают это, но что бы это доказать, надо поймать её, как говорят за руку! Можешь это сделать?

Ганьжима ничего не ответила. Савельева продолжила:

– Если можешь, пожалуйста, я хоть сейчас выпишу тебе ордер на ревизию иди и лови?

Ганьжима понимала, что поймать соперницу за руку, не так-то легко. В горторге все друг друга знают, и подойди она к Екатерине за мясом, та её обвешивать не станет. Как же её тогда ловить?

Она задумалась. Управляющей того и надо было. Она сказала:

– Кстати, у меня к тебе вопрос.

– Что за вопрос?

– Ты уже месяц, как на должности директора бензоколонки....

– Да.

– А ты знаешь, что за эту должность надо относить мзду, – Савельева показала пальцем наверх.

– Раньше вы мне об этом не говорили! – встrepенулась Ганьжима.

– Раньше не говорила, а теперь говорю.

– И где мне брать деньги?

– Сама думай, и побыстрей... Иначе посадят на твоё место Цыренову, а та быстро разберётся, как на бензине делать деньги!

На том разговор и закончился. На следующий день Екатерина Цыренова было временно отстранена от работы, но не уволена.

Ганьжиму это насторожило. Насторожило по двум причинам. Во-первых, у Екатерины оставалась возможность и дальше соблазнять Баира. Во-вторых, Цыренову действительно, могли назначить директором бензоколонки вместо неё, несмотря на жалобу, которая была на неё написана. Напомним читателю, что шёл 1991 год.

Быть директором бензоколонки, означало войти в элиту торгового мира. Ганжима уже вошла в эту элиту, уже с ней раскланивались, как со знатной госпожой, уже приглашали на дни рождения, свадьбы самых знатных людей горторга.

И вдруг оказывается надо платить мзду?! Можно было и раньше об этом догадаться, но увы не хватило смекалки.

Она-то думала, что поставили её на эту должность за её прежние заслуги, за её работоспособность, за её смекалку. А оказывается её посадили, что бы она несла мзду! И посоветоваться было не с кем. Да ещё, как назло появилась соперница, которая того и гляди захомутаёт мужа! Положение у Ганьжимы было «аховое»! Не позавидуешь. Надо было срочно принимать какое-то решение.

Одно она поняла точно, упускать бензоколонку никак нельзя. Ибо тогда её займёт Цыренова (так намекала Савельева) и ей Баира век не ведать. А из этого следовало, что надо платить мзду. Но вопрос, где брать деньги на эту мзду?

И здесь снова вспомнились слова управляющей, которая сказала: «А та быстро разберётся, как на бензине делать деньги!». Значит, на бензине тоже делаются деньги. Вот только как?

За этим вопросом она пошла к директору соседней бензоколонки. Поднесла ему бутылку армянского коньяка и задала свой вопрос:

– Разбавляем другой жидкостью! Иногда даже водой, – ответил он, рассмеявшись, и спросил: – Ты и вправду не знала?

Она отрицательно мотнула головой.

– Только делай это осторожно, лучше ночью. Что бы никто тебя не ущучил!!

– А с тебя тоже требуют ...? – спросила она, поднимая палец вверх, так как это делала Савельева.

Он кивнул и сказал:

– Сидел бы я здесь.

– Сколько?

Он показал три пальца. Ганжима не поняла и спросила:

– Чего три?

– Оклада.

«Значит, и с меня потребуют столько же!» – подумалось ей.

Она быстро подсчитала, сколько нужно разбавить бензина и продать его, что бы получить три оклада. После подсчёта ей стало нехорошо. Она попросила воды. Ей принесли бутылку минералки.

Ганжима отпила и придя в себя, спросила:

– Выходит, разбавлять надо каждые три дня?

Собеседник кивнул и пояснил:

– Это если себе ничего не оставлять....

Разговор навёл на мрачные мысли.

Ганжима задумалась, она оказалась перед выбором: участвовать в воровстве (мошенничестве) Савельевой или отказаться? Отказаться означало, уйти с поста главы бензоколонки и искать новую работу. Выбор следовало сделать немедленно, ибо Савельева грозила сместить её.

У Ганьжимы Церемпиловой была ещё возможность сказать: «Нет, я делать этого не буду!». И не принуждать себя к этому.

Она колебалась... Ей захотелось убежать куда-то далеко—далеко. Она даже привстала со своего места, но в этот самый момент услышала внутри себя голос Алданы: «Ты достойна лучшей участи, милочка! У тебя появятся деньги! Много денег! Ты сможешь покупать всех и всё!».

Ей представился отдых в Сочи. Собственный автомобиль. Туристическая поездка в Италию и много разной одежды. Ганьжима представила, как она в белом брючном костюме, с белым развивающимся шарфом за рулём белой «Волги» едет по центральной улице города. Мужчины оборачиваются, завидев её. Улыбаются ей. Она улыбается в ответ. «Тебя ждёт счастливая жизнь!» – голос Алданы снова заговорил внутри неё. Она улыбнулась.

Затем поблагодарила директора соседней бензоколонки и отправилась домой.

Дома её настроение сменилось на обратное. Ей захотелось взять телефонную трубку, позвонить Савельевой, и сказать, что она отказывается от должности. Но затем, ей подумалось, что лучше это сделать, придя на приём. Извиниться, подарить цветы. И она даже купила большой букет, записалась на приём. Но зайти не решилась.

После этого её настроение снова сменилось на противоположное. И так несколько раз. В итоге она решила пустить всё на самотёк: «Как будет, так будет!» – сказала она себе. И перестала, что либо предпринимать в этом направлении.

Управляющая ждала от Цырепиловой Ганьжимы мзду и не дождалась. Прошло полтора месяца. Срок достаточный для того, что бы испытать человека.

Управляющая позвонила Ганьжиге и попросила зайти. Когда Ганьжиге переступила порог кабинета, управляющая сказала:

– Цырепилова, тебе неделя сроку. Или ты приносишь, то что я просила, или я отдаю твою должность Цыреновой!

При упоминании Екатерины Цыреновой Ганьжиге вся вспыхнула, грудь заходила ходунком, перед глазами появились круги.

– Так она же воровка. Я на неё вам жалобу писала!

– Твоя жалоба бездоказательна. Если я пушу её в дело тебя обвинят в клевете! Так что заведи её обратно!

Ульяна Николаевна вынула из ящика стола жалобу и протянула её Ганьжиге.

Здесь следует сказать, что Савельева неслучайно назвала фамилию Екатерины. Она выяснила к этому моменту, что Ганьжиге и Екатерина соперницы, и решила сыграть на этом. Расчёт её оказался верным. Она не ошиблась.

Ганьжиге покачнувшись и, схватившись за сердце, опустилась на стоящий в кабинете диван.

Ульяна Николаевна дала ей стакан воды. Та отпила глоток и, подняв глаза на начальницу, прошептала:

– Я принесу то, что вы хотите, но с одним условием?

– С каким?

– Отправьте Цыренову в другой город.

Савельева задумалась. Затем подошла к телефону, набрала какой-то номер и сказала в трубку:

– Света, это я Ульяна. У меня к тебе просьба, можешь взять к себе человека в горторг?... Продавщицей?

В трубку что-то ответили.

Савельева произнесла:

– Спасибо, скоро пришлю девицу. Фамилия её Цыренова, зовут Екатерина.

Затем она положила трубку на рычаг и, обращаясь к Ганьжиге, сказала:

– Цыренова уедет в Читку!

В этот же день приснилась Алдана, она, улыбаясь, разбавляла бензин. Проснувшись, Ганьжима пошла разбавлять бензин. «Параллельно буду искать новую работу... Как найду, уйду с бензоколонки!» – сказала она сама себе. Успокаивая себя таким образом.

Всегда когда делаешь что-то нечестное, когда вору-ешь, когда душа протестует, приходится себя успокаивать, тем, что это временно. Попробовала разбавить – получилось. Продала разбавленный бензин – никто не обнаружил.

Она принесла часть требуемой mzды, сказала, что скоро принесёт ещё. Однако её обязали конкретными сроками и разговаривали очень жёстко.

Пришлось ещё раз разбавить, а затем ещё и ещё. Так она постепенно втянулась в это дело. Её редко проверяли, и в основном днём. Разбавленный бензин она продавала ночью.

Придя как-то с ночной смены, она увидела в доме Баира. Он заявил, что вернулся. Она ничего не ответила, но обрадовалась.

Вскоре она позвонила Хорло и победным голосом сообщила, что вернула-таки себе мужа! Хорло поздравила сестру и спросила:

- Надолго вернулся красавец?
- Думаю навсегда.
- А что соперница думает?
- А соперницы нет.
- Как нет?
- Она уехала в Читу...
- Замечательно! Теперь-то ты будешь лечиться?
- Конечно!

Ганьжима твёрдо решила лечиться. И снова пошла к врачу. Он снова выписал много лекарств и сообщил, что нужно ехать на курорт. Она купила лекарства, стала принимать и искать путёвку в санаторий.

Однако здесь следует сказать, что Баир, хоть и вернулся, но вернулся пьяницей. Ему ежедневно требовалось вы-пить. Во сне он звал Катю. И даже однажды за завтраком назвал Ганьжиму Катей. Перепутал, спьяну.

Прошло два месяца. Внешне казалось, что жизнь налаживается. Баир был при ней. Начальство получало своё и претензий не высказывало. Её уважали коллеги. И даже завидовали.

Но это было внешне. На душе было тяжело. Чем больше она разбавляла бензин, тем становилось тяжелее. Но жизнь не стоит на месте. Как—то её вызвала Савельева и сказала, что открывается новая бензоколонка.

- Теперь ты будешь директором сразу двух бензоколонок! – заявила управляющая.
- Как это двух? Я же не могу находиться в двух местах одновременно?
- На второй бензоколонке будет сидеть твоя помощница...
- И mzду увеличат вдвое? – спросила она, указывая пальцем вверх.
- Управляющая кивнула.
- Я не могу продавать разбавленный продукт, одновременно, в двух местах?!
- Это будешь делать не ты. Это будет делать твоя помощница Туяна Шагдарова.
- А она согласна?
- Надо её убедить. И это должна сделать ты.
- Почему я?
- Ты её начальница.
- Я её в глаза не видела? Как я смогу убедить разбавлять бензин?
- Тебе поможет вот этот документ.

Ульяна Николаевна положила на стол лист бумаги, на котором неровным почерком было что-то написано.

Это была объяснительная записка, в которой, Шагдарова признавалась в том, что продавала из под полы спи-санный товар.

– Если эта записка попадёт в прокуратуру, то Шагдаровой светит пять лет. Бери эту бумагу, покажи ей, то что она же и написала. И скажи, что если она не будет делать, то что ты ей велишь, то эта бумага попадёт в прокуратуру. А сама она попадёт в тюрьму.

Через день Ганьжима стояла перед Туяной Шагдаровой с бумагой и требовала, чтобы та разбавляла бензин. Это была молодая женщина того же возраста, что и Ганьжима, но выглядела она намного моложе.

Туяна, услышав требование, стала чесать переносицу, затем шею. Капли пота выступили на её лбу. Она переминалась с ноги на ногу. Раскраснелась. В конце-концов она выдавила из себя:

– Я должна подумать.

На том разговор и закончился. Здесь следует сказать несколько слов о Туяне. В торговле она работала столько же сколько и её начальница. Знала многие препятствия и ловушки, которые могут возникнуть в работе продавца.

Попав под ревизию, Туяна насторожилась. Ей не верилось в случайность того, что ревизия пришла именно в тот момент, когда списанный товар не был продан. И ревизия-то была местная с Горторга.

«Значит, кто-то донёс!» – подумала она, и мысль её продолжилась: «Свои же подставили с тем, что бы заставить воровать ещё больше!». И в этом она была права. Её подставил человек, который и поставлял списанный товар.

«Они хотят, что бы я рисковала, сбывая разбавленный продукт» – подумалось ей. Дальше мысль заработала в том же направлении: «Если я попадусь. Мне светит тюрьма. А начальство будет жировать».

После долгих раздумий Туяна решила, что нужно избавиться от воровства. Для этого необходимо поставить власти в известность о том, что происходит. Она написала в прокуратуру анонимное письмо, где были следующие строки: «На бензоколонке номер три, под руководством Цыремпиловой Г. продаётся разбавленный бензин...». Параллельно Туяна согласилась и исполняла все требования шантажистки. В случае появления ревизии, она всегда могла сказать, что её заставили, и сослаться на посланное письмо в прокуратуру. Вот такой непростой оказалась Туяна Шагдарова.

Прошёл месяц, Шагдарова принесла положенную мзду. Ганьжима отнесла её Савельевой. И успокоилась на том.

Как уже говорилось, раз в три дня Ганьжима разбавляла бензин и продавала разбавленное горючее, исключительно ночью. Сама наливала бензин, сама стояла возле кассы.

Как-то в два часа ночи подъехала двадцать первая «Волга». Водитель протянул трёшку, и попросил налить бензин. Как только она налила горючее, водитель вытащил из кармана удостоверение сотрудника прокуратуры и показал его. Ганьжима прочла: «Намдаков Делгер».

Затем из машины вышли ещё два человека и провели экспертизу налитого в бак бензина. Как только выяснилось, что бензин разбавлен, была опечатана бензоколонка.

Намдаков попросил предъявить документы. Ганьжима вытащила из сумочки паспорт. Прокурор просмотрел документ, и прочитав фамилию Цыремпилова, понял, что она соответствует фамилии указанной в анонимном письме.

Он давно следил за Ганьжимой. Письмо Шагдаровой сделало своё дело.

Прокурор произнёс:

– Прошу вас гражданин Цыремпилова, явиться завтра ко мне в отделение местной прокуратуры! В кабинет номер семь.

1991 год подходил к концу. Уже было известно о подписании Беловежских соглашений и развале Советского Союза. Прокуратура Забайкальского края получила большую самостоя-

тельность. И прокурор Намдаков знал, что проверять его в ближайшее время, никто не будет. Поэтому анонимное письмо Шагдаровой он нигде не фиксировал.

С этого момента жизнь Цыремпиловой Ганьжимы резко изменилась. Теперь она не могла спокойно, ни есть, ни спать. Теперь она только и думала, о том, что её ждёт дальше? Что с ней будет?

На следующий день, она собрала все деньги, что имела, всё что было скоплено на чёрный день и принесла эти деньги в кабинет к Намдакову. Прокурор посмотрел на купюры и спросил:

– Что ты хочешь?

– Что бы дело было закрыто.

– Этого мало, – сказал он, указывая на купюры.

– Сколько нужно?

– В три раза больше.

– Где я их возьму?

– Не знаю, – сказал Делгер Намдаков и вышел из кабинета.

Ганьжима пошла к Савельевой. Рассказала о случившемся и закончила свой рассказ словами:

– Ты меня втянула в это дело, ты и выручай!

– Я здесь не причём! – возмутилась было Ульяна Николаевна, но Ганьжима её резко пресекла:

– Не можешь, расскажу прокурору про всё. Мне терять нечего!

Выдохнув из груди воздух, она добавила: «В займы у тебя прошу. Не насовсем! Дай возможность выкрутиться. Выкручусь, отдам тебе эти деньги. Поклясться могу, что отдам!».

После долгих уговоров, Ганьжима выбила нужную сумму... Понесла их Намдакову. Тот соскрёб со стола купюры и пообещал закрыть дело.

– Мне ваши обещания не к чему. Я должна видеть, что дело закрыто! – сказала Ганьжима. Не уйду, пока не закроете! – жестко произнесла она.

Прокурор вынул из ящика папку, раскрыл её, достал из неё составленный акт и написал на нём: «Дело закрыто за не достаточностью доказательств». Поставил число, печать, показал всё это Ганьжине.

Затем вызвал секретаря. Вошла секретарь. Он сложил в папку акт, протянул папку секретарю со словами:

– Сдайте это в архив, пожалуйста.

Секретарь взяла папку и вышла из кабинета.

Ганьжима немного успокоилась. Вытерев пот со лба, она вышла из кабинета. Гроза вроде бы миновала, и следовало расслабиться. В ближайшем магазине была куплена бутылка коньяка и шоколадка. Она выпила всю бутылку, прямо в магазине.

Дома её ждал Баир, тоже выпивший. И не просто вы-пивший, сильно выпивший. Он преградил ей вход в квартиру и заплетающимся языком пробурчал:

– Приехала Катя!

– Ну, и иди к своей Кате, – гаркнула Ганьжима, и отодвинув мужа, прошла в квартиру.

Ей в этот момент было не до Баириных отношений с Катей. И, вообще, не до него. Хотя если вспомнить, то всё началось с того, что он изменял Ганьжине.

Вскоре позвонила Савельева и поинтересовалась, всё ли в порядке.

– Можешь не волноваться! Деньги сделали своё дело! – ответила Ганьжима и ничего больше не говоря, положила трубку. Затем она приняла ванну, после чего легла спать.

Проспала Церемпилова два дня. Это были выходные дни, и никто её не беспокоил.

В понедельник она взяла отпуск и уехала к сестре за город. Хорло приняла сестру с искренней радостью. Кормила от души, сходили искупаться на речку. В беседах за чаем журила за то, что опять отложено лечение.

- Не будешь лечиться, бездетной останешься? Неужели самой непонятно?
- Баир пьёт. Как от него рожать? – оправдывалась Ганьжима.
- Лечитесь вместе. Он от алкоголя, ты от бесплодия!
- Не отпущу, пока не пообещаешь, что будешь лечиться!

Ганьжима пообещала, конечно же, что будет лечиться, но опять это было только на словах. Опять появилась куча других дел, которые надо решать в первую очередь. Опять лечение было отложено.

- Прошёл месяц, и вдруг позвонил Намдаков. Ганьжима удивилась звонку и спросила:
- В чём дело?

Ровным голосом прокурор сообщил, что к ним грянула проверка. И проверяющий, велел заново возбудить её уголовное дело.

- И что теперь делать? – спросила, растерявшаяся Ганьжима.
- Для окончательного закрытия дела, проверяющий просит...

И прокурор назвал сумму дважды превышающую, то что было уже уплачено. Такие деньги, Ганьжима при всём своём желании не смогла бы достать.

Сердце ушло в пятки. Её бросило в жар, а после стало лихорадить. Она поняла, что её «развели», и что теперь какие бы деньги она не платила, её будут шантажировать, шантажировать и шантажировать.

Как найти выход из создавшейся ситуации? Как прекратить дело? Как избавиться от угроз? Эти и другие мысли кружили в её голове и не давали покоя. Из телефона всё ещё слышался голос Намдакова, он продолжал что-то говорить. Что-то объяснять. Но Ганьжима его уже не слышала. Перед её глазами появились чёрные пятна. Потом всё закружилось. А дальше она ничего не помнила.

Баир нашёл её на полу, лежащей без памяти с телефонной трубкой в руке. Он вызвал «скорую» и позвонил Хорло. Прибывший врач сделал укол в вену и привёл Ганьжиму в чувство. Затем выписал много лекарств и прописал строгий постельный режим.

К вечеру из деревни приехала Хорло. Она стала следить за тем, что бы выполнялись все предписания врача. Однако осуществить это было невозможно. Ганьжима наотрез отказалась принимать лекарства. Она знала причину своей болезни и, хорошо понимала, что лекарства ей не помогут.

Ганьжима отвернулась лицом к стене и, ни с кем не разговаривая, лежала в таком положении...

Прошло несколько дней. Не четвёртый день ей привиделась Алдана. Она была в чёрном платье с золотой диадемой на голове. Лицо её было сурово, она спросила:

- Ты ждёшь моей помощи, ведь так?
- Помоги, милая, помоги! Я всё что угодно сделаю для тебя, только помоги!? – ответила Ганьжима и расплакалась.
- Обещай, что станешь моей последовательницей!?
- Обещаю.
- Поклянись!
- Клянусь всем хорошим, что имею. И всем тем, что буду иметь!

Алдана улыбнулась и взяла с неё длинную клятву, в которой были следующие слова: «Обещаю не щадить наших врагов и карать их при первой возможности...».

После того как Ганьжима произнесла нужные слова, Алдана сказала:

– Найдёшь Бадма-Ханду. Это шаманка. Она живёт недалеко от твоей сестры. Скажешь ей, что бы провела обряд по сто пятнадцатому ритуалу. Как только она это сделает, твоё дело уладится.

После этих слов видение исчезло. В тот же день она нашла шаманку Бадма-Ханду.

- Я от Алданы, – сказала Ганьжима, переступая порог её дома.

- Так она год, как умерла?! – ответила Бадма-Ханда.
- Я её преемница. Она ко мне во сне приходит..
- Во сне?
- Да, во сне. И просила, что бы вы сделали сто пятнад-цатый ритуал.
- Убить человека хотите?

Ганьжима похолодела, услышав эти слова. Она не знала, что такое сто пятнадцатый ритуал. Она не знала, что ритуал связан со смертью. Алдана говорила, что поможет, но не говорила, что это будет связано со смертью.

Теперь стало понятно, что помощь может прийти, только через чью-то смерть. Через убийство.

- Кого будем ликвидировать? – спросила Бадма-Ханда.

Ганьжима так растерялась, что не поняла вопроса. Она переспросила:

- Повторите, что вы сказали?

– На кого злых духов натравливать будем? Фотогра-фию принесли? – пояснила шаманка и добавила к сказанному, – ритуал тяжелый. Ваше присутствие необходимо. И запомните, всё, что вы пожелаете во время этого обряда, может обернуться против вас!

Ганьжима не была готова к такому повороту событий, да и снимка у неё не было, поэтому она извинилась и сказала, что придёт в другой раз.

Выйдя из дома шаманки, она погрузилась в раздумия. Убивать человека не входило в её планы. Напугать – да. Напугать, что бы отступился или навести болезнь. Это да. К этому она была готова, но убивать!

«На это я ещё не способна» – сказала она сама себе. И пошла домой. Но подходя к собственному дому, она вдруг увидела у подъезда чёрную «Волгу» с красной надписью «Прокуратура». Сердце снова ушло в пятки. Она побледнела.

Домой заходить не решилась, переночевала у подруги. А через день достала фотографию Намдакова и пошла к Бадма-Ханде.

Не будем утомлять читателя подробностями обряда.

Скажем только, что прокурор Делгер Намдаков через несколько дней после этого попал в автомобильную катастрофу. И случилось это так: он ехал по трассе за рулём собственной «Лады». И вдруг в окно его автомобиля залетела пчела. Делгер стал отмахиваться от неё и на мгновение потерял управление. Это привело к тому, что он выехал на встречную полосу и столкнулся с «КАМАЗом».

Прошёл год. В стране, как уже говорилось, пала советская власть. Пала старая идеология. Повсюду стали строить новые церкви, мечети, храмы. И в Забайкалье также решили возродить разрушенный красноармейцами дацан.

На закладку нового храма приехали известные ламы: Тагарин, Жабон, Жалсап и Пунцог. Закладка нового храма проходила в торжественной обстановке. Присутствовали руководители края, а также приехало много народу со всего края. Приехала туда и Ганьжима.

Во время закладки был молебен, а после молебна ламы всем желающим стали давать благословение. К ним выстроилась очередь, они прикасались руками к благословляемому, и поправляли на кисть правой руки красную ниточку на удачу и на сохранение здоровья, как оберег от злых сил.

В очередь встала и Ганьжима, но лама Тагарин посмотрел на неё как-то странно и отказался благословлять.

Тогда Ганьжима встала в очередь, которая вела к ламе Пунцогу. Он также, как лама Тагарин смерил её пронизывающим взглядом и тоже отказался благословлять. Так и уехала Ганьжима без благословения.

Вернувшись в дом к сестре, она захотела пить, но вода в баке закончилась. Дома никого не было. Тогда Ганьжима запрягла в телегу лошадь и сама поехала на речку за водой.

По дороге вдруг налетели дикие пчёлы и стали кусать лошадь. Лошадь понеслась вскачь. Ганьжима упала с телеги, её длинные волосы закрутились на колесо и задушили её.

Так неожиданно, прекратилась жизнь нашей героини. Но история на этом не заканчивается. Не всегда история завершается со смертью главного действующего лица.

Похоронили Ганьжиму на общем кладбище, по старому обычаю в гробу, не зарывая его в землю.

И вскоре после этого чабаны пасшие поблизости своих баран, стали видеть, ежедневно, как положенная в гроб Ганьжима сидит на крышке своего гроба и расчёсывает волосы. Насмерть перепуганные чабаны поехали в дацан и рассказали там всё, что видели. Жодче лама Тагарин, вместе с ним Жабон, Жалсаб и Пунцог, которые не успели ещё разъехаться с торжества, решили навестить Ганьжиму.

Как только, вставшая из гроба Ганьжима увидела процессию лам, которая медленно приближалась к ней по степи, она затрясла головой, затопала ногами. И с пеной у рта стала кричать: – Я достойна лучшей участи! Я достойна лучшего!

Но ламы не обращали внимания на её крики. Держа в одной руке ваджру, а в другой колокольчик, ламы в полном сосредоточии духа читали мантры, и как только трижды произнесли священное слово «пхат!» крышка гроба встала торчком, Ганьжима послушно легла в гроб, и крышка со страшным треском захлопнулась.

Ламы завершили молитву и несчастная Ганьжима больше не беспокоила живых.

На этом можно закончить нашу непростую историю.

Щемилов

Шёл 1929 год. В Оренбурге стояла тридцатиградусная жара. Окна городской больницы были распахнуты настежь, и белые занавески висели в них как знамена. Ни ветерочка, и палящее солнце обжигало редких прохожих, спешащих по каким-то своим делам.

Ксения Никольская вышла из ворот городской больницы, где она работала медицинской сестрой. Или как это раньше называлось – сестрой милосердия. Высокая и статная, настоящая красавица, с длинной русой косой, она неторопливо шла по улице и думала о прошедшем дне.

Сегодня Ксения получила предложение руки и сердца, и не знала, как ей поступать. В январе этого года ей исполнилось тридцать лет. Уже давно было пора выходить замуж и рожать детей. Но она затягивала это. Если бы были живы родители, они бы ещё лет пять назад настояли бы на её замужестве, и не сидела бы она в девках.

Но, к сожалению, их уже не было в живых. Отец Пётр Григорьевич погиб в первую мировую в чине полковника артиллерии. Тремя годами позже тиф забрал мать Лидию Николаевну. Воспитывал и поднимал молодую сироту вдовый дед Григорий Акимович Никольский, отец отца Ксении, он и теперь был при ней.

Ксения происходила из старинного дворянского рода Никольских известного своими заслугами ещё со времён Екатерины Великой. Она получила хорошее образование: знала языки, французский и немецкий, играла на фортепьяно.

А сватался к ней Васька Щемилов, парень без роду, без племени. До революции был он гопником – так наёмных крестьян называли. Теперь, правда стал комсомольским активистом и возглавлял какую-то комсомольскую ячейку в объединённом государственном политическом управлении. Что это такое, она точно не знала, да и не интересно ей это было.

Итак, получив предложение, она задумалась: Как быть?

И задуматься было о чём. Ведь зарплату медицинским сестрам в больнице давали продуктами. Одежда у Ксении за годы советской власти вся износилась. Уже все наряды, которые остались от ее матери, Ксения перешила, и не раз. Некоторые сослуживцы умудрялись обменять продукты на одежду, но у Ксении это делать не получалось, да и продуктов не было столько, что бы можно было их обменивать. Васька же имел хороший оклад, который получал деньгами.

Ксения не стала давать никакого ответа. А Василий был настойчив. Как-то вечером, придя домой после работы, она обнаружила на своём столе цветы.

– Откуда это? – спросила она у деда.

– Васька принёс, – ответил старик.

Она ещё раз посмотрела на цветы, и произнесла:

– Дедушка, скажи, как мне быть с ним?

– Не знаю, – ответил старик. Затем почесал жидкую бородёнку и развёл руками.

– Ты мне родня или не родня? – лукаво спросила она.

– Родня.

– Ну, так скажи, что ты о нём думаешь?

Дед изобразил на лице грусть и страдание, мол: «Не мучай меня!» и тихо произнёс:

– А ты сходи к гадалке, погадают тебе на кофейной гуще, и узнаешь, как быть!

– Ох, и вредный ты стал, дедушка! Никогда прямо не скажешь!

Ксения обняла деда, поцеловала его в щеку. Старик снова развёл руками, пожал плечами и вышел из дома, чтобы избавиться от дальнейших расспросов.

На следующий день, в воскресенье, после обеда, Ксения и, вправду, пошла к гадалке. К цыганке Катьке, которая жила в Форштате (загородный район Оренбурга), с которой она

была знакома с детства. Ксения радовалась прогулке, но с грустью заметила разрушенный храм у окраины города.

Катка жила в маленьком старом доме, вокруг которого был огород, и во дворе паслась коза. Ксению встретил у калитки старый пес, и как давней знакомой повилал хвостом, не стал лаять.

Ксения вошла в дом, прошла через сени, ловко обошла куриц, которые важно ходили внутри – прятались от жары и зашла в единственную комнату в маленьком домике.

Катка сидела за ободраным столом и ела картошку из глиняного котелка. Ксения поприветствовала Катку, выложила из корзинки на стол банку с мочёными яблоками, шмат сала и сказала, не отвлекаясь на лишние слова:

– Кать, сватается ко мне Щемилов, подскажи, как быть?

– Так он же не ровня тебе?

– Ровня, не ровня, а мне уже тридцать. Где я здесь себе ровню найду? Тем более, что новая власть не жалует дворян. А Васька, у него хоть деньги есть!

– Так и ты зарабатываешь. Сама.

– Катя! Нам в больнице продукты стали давать вместо денег. Одежда, обувь износились. Не на что купить! Дом старый, не на что ремонт сделать. И дедушка старый уже.

Катка взяла со стола сало, повертела его в руке, как бы прикидывая, сколько в нём весу и произнесла:

– Ладно, принеси мне его фотографию, и сходим к моей бабке в табор. Она всё точно скажет, что тебя ждёт с этим ОГПУ-шником.

Через неделю Ксения выпросила фотографию Василия у его сестры Галины. Сказала, что хочет показать снимок родственникам, потому как Вася уже давно сватается и надо что-то ему отвечать. Скрыла правду. Ну, а как тут без лукавства? Когда цыганка требует?

Галина дала семейный фотографический портрет, на котором были изображены Вася, Галина и их покойная мать Анастасия Семёновна. Дала с условием, что через день карточка будет возвращена. Ксения пообещала и довольная в воскресенье с утра побежала к Катке. Та сразу повела её к своей бабушке в табор.

Шли долго, полдня. Цыганский табор стал на время подальше от города, в степи. Но добраться до табора постороннему было сложно, чего цыгане и добивались. Яркие кибитки, костры и лошади, Ксения любила в детстве приходить в табор, там познакомилась и подружилась с Катей.

Они зашли в палатку, в которой жила Катина бабушка. Поздоровались. Бабушка сидела в старинном кресле, рядом с ней стоял резной столик, маленькие стульчики, на которые они присели.

Маленькая цыганочка, увидев, что пришли Катя и Ксения на подносе принесла им чай, и в маленьком блюдечке кусочки колотого сахара.

Ксения, немного смущаясь, протянула старой цыганке фотографию. Катина бабушка посмотрела фотографию и сказала:

– Да, дочка Катя мне рассказала про твою печаль. Подождать ты не хочешь?

– Нет, бабушка, не могу.

– Говоришь, комсомольский работник в объединённом государственном-политическом управлении по Оренбургской области?

– Да.

– Помучает он тебя, – сказала старуха, разглядывая снимок.

– Как это? – спросила Ксения.

– Фамилия его, говоришь, Щемилов?

– Да, Василий Сергеевич Щемилов.

– Знаешь, что такое щемило?

– Нет.

– Это тиски, в которые защемляют что-то.

– Ну и что?

– А то, что фамилия это родовой знак, который действует на человека. На его судьбу, характер.

– Как именно действует?

– Любит твой Васька защемлять кого-то. Мучить. Угнетать.

– Он что и меня будет мучить?

– Непосредственно тебя, своими руками он мучить не будет, но обижая других людей, он будет получать ответные удары. Иногда они будут в виде проклятий. В результате в доме будет всё рушиться, вас посетят недуги, болезни и так далее. И тому подобное.

– А дети у нас будут?

Бабушка вынула из кармана цветастой юбки замусоленную колоду карт. Вручила ее Ксении, и сказала:

– Перемешай, думай о нем, о себе, правой рукой сними сверху. И отдай мне.

На резной стол полетели цветные карты, каких Ксения не видела еще ни разу. На них были изображены дамы, короли, львы, повешенный за ногу человек, опрокидывающаяся башня, еще что-то.

Посмотрев на карты, старуха сказала:

– Жизнь у тебя очень изменится. Сама не рада будешь. Родишь мальчика после переезда в другой город. Лечить будешь.

Старуха откинулась на кресле, прикрыла глаза рукой и закончила предсказание словами:

– Вот всё что я вижу.

Ксения поблагодарила цыганку, и вышла из палатки. Следом за ней вышла Катька, они переглянулись и пошли из табора, по степи в город.

По дороге Ксения и Катька несколько раз принимались обсуждать полученное предсказание. Катька говорила:

– Бабка тебе на картах таро погадала, они не врут. Всегда все верно предсказывают.

Ксения рассеяно слушала и в голове у нее вихрем крутились противоречивые мысли: «Нужна мне такая судьба? Не лучше ли жить одной?».

«А может старуха ошибается? Ведь так как Вася на меня смотрит, никто не смотрит! И не смотрел!». «Если жить одной, значит остаться бездетной? Не узнать радости материнства, всё равно, что и не жить вовсе».

Катька говорила, что бабка зря говорить не будет, что лучше предупреждение послушать, что может, она откажет Василию.

Ксения отвечала, что теперь она запуталась окончательно и совсем не знает, что делать. По дороге они поплакали, но когда они подошли к городу – грусть развеялась, и две подружки побежали каждая по своим делам. Воскресение заканчивалось, а сделать нужно было много всего.

Через день Василий встретил Ксению, у дверей больницы после работы. Напросился проводить её до дома. По дороге, когда они проходили через городской парк, цветочница стала настойчиво уговаривать молодого кавалера купить розы даме.

Ксения стала активно отказываться, а Василий сказал:

– Меня повысили, я теперь при новой должности. Начальник шестого отдела, – произнося эти слова, он всё-таки купил цветы и преподнёс ей. Ксению разозлило то, что он не сделал, так как хотела она.

– Вы мне больше цветы не дарите, – сказала она, нехотя принимая букет.

– Почему, Ксения Петровна? Я ведь не просто так, а бы погулять. Я жениться на вас намерился. И вы это знаете.

– Не хочу обнадёживать вас!

Эти слова не смутили Щемилова, он крепко обнял Ксению за талию и попытался поцеловать. Губы его уже приблизились к её губам, но в этот момент она резко оттолкнула его и дала громкую пощёчину. Затем Ксения быстро убежала. Растерянный Василий так и остался стоять посреди парка. Букет лежал у его ног. Щека горела.

На следующий день утром в больнице Ксению вызвала к телефону старшая медсестра Клавдия Николаевна и, протягивая ей телефонную трубку, сказала:

– Кто-то из ОГПУ вас спрашивает.

Ксения взяла трубку и услышала голос Василия:

– Ксения Петровна! Приглашаю вас сегодня..., – начал говорить он.

– Зачем вы звоните мне на работу? – резко оборвала неоконченную фразу Ксения.

– Затем что бы в вашей больнице знали, что у вас есть друг, который работает в ОГПУ.

– Теперь узнали. Больше не звоните сюда. И вообще оставьте меня в покое!

– А вы мне не грубите, а то ведь я тоже могу вам больно сделать.

– И что же вы сделаете?

– Посадить, скажем, можно кое-кого. К примеру, Григория Акимовича за то, что он в церковном хоре поёт.

Дед Григорий был единственным родным человеком, оставшимся после смерти родителей. Слова, сказанные Василием, сильно испугали Ксению. Она побледнела, затем повесила телефонную трубку на рычаг. После чего опустилась в кресло и потеряла сознание.

Клавдия Николаевна за время короткого телефонно-го разговора не успела далеко уйти, и увидела, что Ксения в обмороке. Старшая медсестра побила Ксению по щекам, брызнула ей в лицо холодной водой из кувшина, который стоял рядом с телефонным аппаратом. И Ксения пришла в себя.

Ксения не смогла отвечать на расспросы, а стала просить, что бы ее отпустили домой. Клавдия Николаевна, качая головой, сказала:

– Что же идите, берегите себя Ксения Петровна.

Ксения накинула платок на голову и побежала домой.

Не помня себя от страха за дедушку, она бежала по улицам, и в голове ее громко молотками звучали слова: «Посадить... Григория Акимовича за то, что он в церковном хоре поёт».

Дома она забежала в свою комнату, упала на маленькую девичью кровать и разрыдалась.

Обеспокоенный дедушка ходил вокруг нее почти час, принес стакан воды, накапал успокоительных капель, намочил холодной водой полотенце и положил ей на голову. Никакие средства не помогали.

Дедушка уже собрался просить соседку сходить к доктору, что бы он посмотрел Ксению, но она немного успокоилась. Наконец дед мог спросить:

– Ксюшенька! Внушенька! Что случилось?

Но вместо ответа она попросила деда уехать из города.

– Обещай, что уедешь! – требовала сквозь слёзы Ксения.

– Если ты настаиваешь, то уеду. Только надо решить куда, сколько для этого понадобится денег? Затем одолжить у кого-то эти деньги. Но всё это решаемые вопросы. И повторяю, если ты этого хочешь, я это сделаю!

– Я этого очень хочу! – ответила Ксения.

После чего дед и внучка стали обсуждать подробности отъезда Григория Акимовича. Решили, что лучше всего поехать ему в Самару. Там жила его двоюродная сестра, которая определено приняла бы родственника. Дедушка сходил на почту и послал сестре телеграмму.

Через несколько дней вечером раздался стук в дверь. Ксения вышла на порог, и увидела Василия. Он стоял на коленях и просил простить его:

– Я погорячился, клянусь тебе! Не уйду, пока не простишь! – горячо говорил он.

Ксения повела плечами и уже хотела закрыть дверь, но увидела шагающего к ее калитке почтальона. И в этот момент заговорило её дворянское происхождение. Ей не хотелось, чтобы посторонние видели стоящего на коленях Василия. Это по её мнению, было неблагородно, равносильно тому, что вынести сор из избы. Она подняла Шемилова с колен, завела в дом и таким образом разрешила неудобную ситуацию.

Вскоре в дверь постучал почтальон с телеграммой, в которой сообщалось, что приезду Григория Акимовича в Самару все будут рады и с нетерпением ждут его. Дед широко улыбнулся, прочитав приятные слова, но Ксения заявила, что никуда его не отпустит.

– Ты мне нужен здесь. И никуда не поедешь!

– Но ты просила меня уехать? – удивился старик.

– То было утром, а теперь я передумала.

Старик пожал плечами и ушел, бурча себе под нос. Пришлось отправлять новую телеграмму с извинениями, и сообщением о том, что поездка отменяется.

Прошло три дня. Наступило воскресенье. Григорий Акимович в благодушном настроении пошёл в Покровский собор, зашел на клирос, и вдруг появились люди в кожаных куртках.

Всех, кто пришёл на службу, арестовали, кроме Григория Акимовича Никольского. Красногвардеец посмотрел документы старика, и отпустил его.

Дед вернулся домой побледневшим и хмурым. Он заглянул в комнату Ксении и сказал:

– Третьего дня ты спрашивала, что я думаю о Василии Сергеевиче?

– Спрашивала.

– Я думаю, тебе надо выходить за него замуж.....

То же самое Ксения услышала днём позже, в больнице. Клавдия Николаевна, старшая медицинская сестра, поманила ее пальцем в дальнюю комнаты, которую использовали под склад, и шепотом стала рассказывать:

– Вчера арестовали главного врача Петра Васильевича. Только потому, что он до революции принадлежал к дворянскому сословию. Я своими ушами слышала, как комиссар произнёс, тыкая револьвером: «Пошевеливайся, дворянская рожа!». Извините, деточка, но послушайте меня, выходите за вашего ОГПУшника. Не раздумывайте.

– Зачем вы так говорите? Вы же его совсем не знаете? – удивилась и даже возмутилась Ксения.

– Только так ты сможешь сохраниться.

– Что значит сохраниться?

– Сохранить жизнь, милочка! – ответила Клавдия Николаевна и добавила:

– В нашей больнице ты последняя живая осталась из дворян.

Ксения ничего не ответила, но задумалась. По городу прокатилась волна арестов. Людей арестовывали дома, на улице, в учреждениях. Дома жители города шепотом обсуждали между собой, как им избежать ареста.

На глазах у Ксении, прямо на остановке арестовали Катину бабушку. Старая цыганка, поймала печальный взгляд Ксении, и, садясь в воронок, крикнула:

– Передай Катке, что меня взяли!

– Передам, – выкрикнула в ответ Ксения.

Цыганка улыбнулась и громко сказала:

– Не тяни с замужеством, а то и тебя посадят....

Кончилось лето, наступила осень. Василий продолжал приносить цветы. По вечерам провожал Ксению. От работы до дома. Однажды он предложил пройти через парк. Она поняла, что в парке он опять полезет с поцелуями, однако отказываться не стала.

Как она предполагала, так и случилось. Поцелуй она выдержала, а вот после было тяжелее. Василий, глядя на Ксению, раскрасневшуюся и смущенно оправляющую юбку, спросил:

– Когда свадьбу назначим?

Она вздрогнула и подумала: «Неужели всё? Неужели это конец свободе?». Вспомнились слова старой цыганки: «В доме будет всё рушиться, вас посетят недуги. Болезни. Ты родишь мальчика после переезда в другой город. Обижая других людей, муж твой будет получать ответные удары. Иногда они будут в виде проклятий».

В парке шумел ветер, разметая упавшие листья, которые кружили над головой. На небе сгущались тучи. Собиралась гроза.

Василий ждал ответа.

– Когда хочешь, тогда и назначай! – ответила она и убежала, что бы не наговорить лишнего.

Сверкнула молния. Грянул гром, хлынул дождь. Она бежала под дождём и плакала. И казалось, небо плачет вместе с ней.

С этого момента Ксения стала разрешать Василию любить себя и отдала всю инициативу в его руки. Она его не любила и с трудом терпела его ласки, но деваться было некуда. Ксения зачем-то внушила себе, что она его переделает, пользуясь тем, что он её любит. Пользуясь тем, что она имеет власть над ним.

Свадьбу назначили на четвёртое сентября. И сыграли в назначенный день. По настоянию Василия, Ксения переехала в его квартиру, которую он занимал на Советской улице, бывшей Николаевской в самом центре города.

И началась у неё другая жизнь, совсем не похожая на ту, что она вела раньше.

В квартире был телефон, по которому раз десять в день спрашивали Василия Сергеевича. Звонили утром, днём, вечером и что самое неприятное, ночью.

В семь утра за Щемилковым приезжала машина, и водитель сигналил под окнами, что есть мочи, не давая соседям выспаться. Те ругались на Василия, но тихо, шёпотом на кухне. И только иногда Ксения ловила на себе злобные взгляды соседей. Сперва, она не понимала, почему на неё так косятся, но всё объяснила Катька, которая случайно в булочной услышала сплетню про Щемилковых.

В тот же день Ксения попросила водителя Петьку не сигналить громко по утрам.

– Ты соседям спать не даёшь! Понимаешь или нет? – спросила Ксения.

– Ну и что? – ответил Петька: – Пусть пораньше встают, мы социализм строим. Нечего им подолгу спать!

Так водитель отказался исполнять просьбу Ксении, и она пожаловалась мужу, от которого услышала следующее:

– Будь со мною поласковее, и я буду исполнять твои желания. А то уже второй месяц жду не дожусь, когда же ты меня полюбишь?

В словах Василия была горечь от того, что он ждал от жены взаимности, которой не было. Ксения разрешала себя любить, но не более того. Ксения терпела Василия, и он это чувствовал. Отношения их, ещё по существу не начавшись, стали заходить в тупик. И неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы не последующие события.

Щемиллов отвечал в Оренбургском ОГПУ за борьбу с религией. Под его руководством закрыли Покровский храм, и после этого стали закрывать и другие храмы. И не просто закрывать, но и разрушать. Был закрыт кафедральный собор во имя Казанской (Табынской) иконы Богоматери. Его стёрли с лица земли – взорвали. Щемиллов руководил взрывом храма. Снесли также деревянную Пантелеймоновскую церковь, в Зауральной роще.

И ещё снесли самую древнюю в городе Преображенскую церковь, построенную еще в 1750 году. По-народному она называлась «Золотым собором». На её месте решено было воздвигнуть водоканал с электростанцией.

Те церковные сооружения, которые не могли разрушить, в силу крепости кирпича или по какой-либо другой причине, по приказу Щемилова отдавались под клубы, кон-торы, склады,

производственные предприятия. Приспосабливая постройки для таких нужд, новые хозяева уродовали их архитектурный облик с помощью всяких пристроек, пробивали в стенах окна и дверные проемы и так далее.

Так в Покровском храме, сорвали купол, снесли колокольню и завезли в здание станки. Решено было создать на базе этого помещения пуговичную фабрику. Всеми этими действиями руководил Щемилов. И это была его идея создать фабрику. Он лично выступил на атеистическом митинге и внёс предложение создать на месте храма фабрику.

Предложение было поддержано руководством области и вскоре в храме прорубили дополнительные окна, заколотили фрески фанерой, устроили цеха и привезли станки. Так в храме каждый день работало производство.

Война государства с религией была в самом разгаре. В других городах было ещё хуже. Там не только взрывались церкви, но и расправлялись со священниками прилюдно. Попов расстреливали на глазах у прихожан.

Но в нашем повествовании речь идёт конкретно об Оренбурге, и конкретно о Щемилове. Верующие люди стали его проклинать. Как и предсказывала старая цыганка. Мало кто вникал, что это политика правительства, что это веяния новой власти.

В булочных, пивных и рюмочных то и дело слышались возгласы: «Васька сволочь!», «Васька негодяй! Что бы его чума забрала! Что бы ему пусто было! Что бы он кровью харкал!» и так далее, и тому подобное.

Ксения знала об этом, и ей конечно же было неприятно. Не раз вспомнила она слова старой цыганки: «Обижая других людей, он будет получать ответные удары. Иногда они будут в виде проклятий. В результате в доме будет всё рушиться, вас посетят недуги, болезни и так далее...».

Ксения забеременела, но выносить ребёнка не сумела. У неё случился выкидыш.

– Это от того, что нас все не любят! – сказала она мужу.

– Я выполняю приказы, если не буду выполнять. То меня посадят. А ты останешься на улице! – ответил он.

– Перестань ломать церкви, перестань сажать попов. Иначе будет ещё хуже!

– Откуда ты знаешь?

– Мне цыганка нагадала!

Он махнул рукой и произнёс:

– Я атеист. И во все эти штучки, не верю. И тебе советую этому не верить. Будут у нас дети, вот увидишь!

Ксения после этих слов немного поостыла. Но не потому что Василий её убедил, а по тому что она вспомнила другое цыганское пророчество. Она вспомнила, как старуха сказала: «Ты родишь мальчика после переезда в другой город...».

– Давай уедем отсюда? – попросила она умоляющим тоном. Я не могу ходить по городу, где нас все ненавидят!

– Сейчас меня никто не отпустит, но если я подготовлю замену, то можно попроситься и уехать отсюда... Если уж так тебе невмоготу, – ответил Василий.

– Обещаешь?

Он кивнул. Она кинулась ему на шею, и впервые сама поцеловала его.

Через день к Ксении на работу пришёл дед Григорий.

– Что-нибудь случилось? – спросила она, заботливо. Не захворал ли ты?

– Слава Богу здоров, – сказал старик, перекрестившись. Пришёл тебя повидать.

– А почему не домой? Я бы тебя пирогом угостила, и ещё бы домой дала.

Дед махнул рукой, потёр бороду, и произнёс, оглядываясь:

– Разговор у меня к тебе, не хочу, чтобы другие слышали.

– Говори. Посторонние не услышат.

– Привиделась мне Богородица. Ты же знаешь, что наш собор, это собор Покрова пресвятой Богородицы?

– Конечно, знаю.

– Так вот, в нашем храме теперь фабрика по изготовлению пуговиц.

– Пуговиц?

– Да, пуговиц. Завезли в храм станки, которые целый день ужасно стучат и трещат....Шум стоит невероятный....

– Так что Богородица?

– Богородица сказала так: «Не верите в Бога, так не верьте, но не надо издеваться!»

– Что значит, издеваться? Что она имела в виду?

– Думаю, эти станки. Они ужасно стучат, и совсем не в такт нашим молитвам. Получается, что намоленное столетиями место разрушается этими ужасными ритмами станков. Попроси Васю убрать оттуда фабрику?

Ксения не могла отказать деду, но когда завела об этом разговор с мужем, услышала от него вновь то же самое:

– Ещё раз тебе повторяю, я атеист. И во все эти церковные штучки, не верю! Фабрика, это моё детище. Станки мы выбивали в Челябинске с большим трудом. Кстати, должна прийти ещё одна партия через два дня. И переносить их некуда, уже не говоря о том, кто это будет делать? Не надо просить меня о том, что я сделать не могу, и не хочу!

На том разговор и закончился. Но история получила неожиданное продолжение.

Через два дня на фабрику, расположенную в здании Покровского собора привезли новые станки из Челябинска.

Василий сам встречал вагон, в котором были станки, сам присутствовал во время перевозки с железнодорожной станции до фабрики, и – при установке этих станков в помещении Покровского собора.

В тот момент, когда устанавливали последний станок, с Щемилиным случился внезапный удар. Он, потеряв сознание, упал, его повезли в больницу, где привели в чувство и обследовали. Выяснилось, что у него отказали ноги.

Когда об этом сообщили Ксении, то она мгновенно, вспомнила слова цыганки: «Обижая других людей, он будет получать ответные удары. Иногда они будут в виде проклятий. В результате в доме будет всё рушиться, вас посетят недуги, болезни....»

Пророчество начало сбываться. Василий сделался инвалидом. А Ксения стала женой инвалида, не прожив с ним и года. В городе заговорили о случившемся. Некоторые видели в этом Божье наказание. Так и говорили:

– Ваську Бог наказал, что бы храмы не рушил!

Теперь на Ксению соседи смотрели даже с жалостью. Поговаривали, что у них скоро отнимут квартиру в центре города и переселят на окраину или в общежитие. А в их квартире будет жить новый ОГПУшник, тот, который займёт должность Щемилова.

Казалось бы, самое время для Ксении бросить Василия и строить новую жизнь, так как ей хотелось. Но в Ксении снова заговорила дворянская кровь. Она посчитала такой поступок неблагородным. Она не могла бросить человека в беде. И ведь это был не кто-нибудь, а её муж.

Ксения решила бороться с судьбой, с её превратностями. Первый шаг, который она сделала, был поход к Катке.

– Узнай, возможно ли, вылечить моего мужа? – спросила она цыганку.

– Как я узнаю, моя бабка в тюрьме? А это только она скажет. И то, если скажет.

Ксения пошла к начальнику ОГПУ и потребовала свидания с Катиной бабкой. Ей разрешили встретиться с цыганкой.

– Я знала, что ты придёшь, – сказала старуха, улыбаясь, – И знаю, зачем ты пришла....

– Если знаете, скажите, можно ли вылечить Васю?

– Можно, но надо уехать отсюда. Уехать в место, где нет христиан, которые проклинают вас. На Васе висят прок-лятия многих людей. Езжайте в Сибирь к шаманам, они вам помогут.

Ксению подбодрили слова цыганки. Обнадежил её и лечащий врач Василия. Он сказал:

– В принципе болезнь Василия Сергеевича излечима, но нужен хороший специалист по тибетской медицине.

– Что значит, по тибетской медицине? – не поняла Ксения.

– Нужен специалист по иглоукалыванию. Но в Оренбурге таких нет. Это надо ехать куда-то на Байкал, по-моему, в Читу. Там, говорят, есть такие специалисты.

Выходило, что надо уезжать из Оренбурга, чтобы излечиться. Ксения вызвала сестру Василия Галину Шемилову и потребовала, что та продала имеющийся у неё дом.

– А где я жить буду? – спросила она.

– Здесь.

– С вами я жить, не буду... – возразила, было, Галина.

– Надо будет, будешь! – отрезала Ксения. И не дав родственнице опомниться, добавила: – Васю лечить надо. Я повезу его в Читу, там есть врачи. Для этого нужны деньги. Половина дома, в котором ты живёшь, принадлежит Васе. Продай, как можно быстрее и деньги принеси пожалуйста.

Галина согласилась продать долю брата. После ухода Галины, Василий спросил:

– Зачем ты возишься со мной? Почему не бросишь ме-ня? Ведь ты же меня никогда не любила? Это я тебя любил, а ты нет...

– Ты мой муж, и если я брошу тебя, то Бог меня накажет, как тебя наказал за то, что ты церкви разрушал...

– Опять эти религиозные штучки? Сто раз тебе говорил: я атеист, и в это все не верю!

– А я верю!

На том разговор и закончился. Но справедливости ради следует сказать, что у Ксении была ещё одна причина бороться за Василия. Она была беременна, очень хотела родить, и хотела, чтобы у ребёнка был отец. И не просто отец, а здоровый отец. Она боролась за будущее семьи.

Вскоре Галина продала половину дома и принесла деньги Шемиловым. Ксения повезла Василия в Читу. Там по сведениям врачей был специалист по иглоукалыванию.

Дорога оказалась очень трудной. Беременной женщине везти мужа-инвалида на коляске в такую даль было невыносимо тяжело. Однако деньги делали своё дело, то один поможет за полтинник, то другой, и в итоге добрались до специалиста по иглоукалыванию.

Галдан звали специалиста по иглотерапии. По национальности он был бурятом, и на вид ему было лет восемьдесят, а на самом деле, наверное, ещё больше. Морщинистое лицо, амулеты на шее и на запястьях, а также трость с головой дракона в руке, говорили о нем как о хорошем врачевателе.

В Оренбурге уже год как боялись носить нательные кресты, а в Чите врач в государственной больнице свободно расхаживал по учреждению с талисманами на шее и запястьях.

– Что такого ужасного ты сделал, что у тебя в тридцать лет отнялись ноги? – спросил врач, сильно коверкая русские слова.

– Ничего ужасного я не делал, – ответил, было, Василий, но в этот момент в разговор вмешалась Ксения, которая стояла рядом. Она перебила мужа словами:

– Мы людей обижали, много обижали. Мы больше не будем, вы поможете нам?

– Это должен сказать он! – воскликнул Галдан, указывая пальцем на Василия.

– Если он это скажет, вы поможете нам?

Врач кивнул. Ксения встала на колени перед мужем и сказала:

– Умоляю тебя, скажи: «Я больше не буду обижать людей!». Просто повторяй за мной «Я больше не буду обижать людей!».

В конце концов, она вытянула из Василия нужные слова и Галдан начал процедуру иглоукалывания. Василия раз-дели, и воткнули в него больше сорока игл. Так повторялось десять дней подряд. Процедура была одной и той же.

Сперва Василий должен был пообещать, что не будет больше обижать людей, потом его раздевали, затем втыкали игла. На третий день у него зашевелились пальцы на ногах. На пятый он смог согнуть ногу в колене. А на десятый встал. Это было чудо.

Ксения поднесла Галдану все деньги, что были получены от продажи дома, и добавила к ним свои золотые украшения.

Врач ничего не взял.

– Почему вы не берёте? Вы же нас вылечили, вы же нас спасли? Вы вернули нас к жизни!

– Вылечил не я, вылечила его молитва, – он указал рукой на Щемилова.

Ксения не понимала, что происходит. Даже её дворян-ское происхождение не позволяло определить, почему Галдан не принимает денег.

– Как же мы будем жить, если вы это не возьмёте, – она указала рукой на деньги.

– С молитвой, – ответил врач: – Будете молиться, как мо-лились здесь и всё будет хорошо.

С этого дня Василий стал резко идти на поправку. Он делал предписанные упражнения. Ежедневно двигался. Пил нужные лекарства и отвары. Ещё через месяц он превратился в работоспособного человека.

Щемилову захотелось вернуться в Оренбург, но Ксения была категорически против.

– Тебя там все ненавидят, ты хочешь снова заболеть?, – убеждала она мужа.

Он ничего не ответил. Василий продолжал оставаться атеистом, и не верил в то, что заболевание наступило от ненависти окружающих. Однако Ксения была на седьмом месяце беременности, и о переезде не могло быть и речи.

Уже одного ребёнка они потеряли, и очень боялись повторения трагедии.

Щемилов пошёл в Читинский горком партии. Показал документы, и его направили работать в Читинское отделение ОГПУ.

В Читинском отделении ОГПУ выделили жильё и определили в тот же шестой отдел, в котором работал Щемилов в Оренбургском отделении.

Шестой отдел ОГПУ занимался борьбой с религией и сектами. Жильё оказалось очень кстати, потому, как через два месяца Ксения родила мальчика, которого назвали Петром в честь покойного отца Ксении. Василий не мог нарадоваться, глядя на сына, и всё свободное время проводил у кровати Петра.

Ксения облегчённо вздохнула. В письме к деду она писала: «У меня есть свой дом, свой сын и своя семья, а также любимая работа наконец-то я счастлива. Никогда не думала, что это произойдёт в бурятском крае...».

Василий тоже чувствовал себя в Чите неплохо.

Работа по борьбе с религией здесь только начиналась. А он уже имел в этом деле опыт и поэтому оказался хорошим наставником.

Как-то зашёл к нему в кабинет молодой чекист и заявил, что больше не может допрашивать монаха.

– Почему? – спросил Василий.

– А он знает наперёд всё, что я у него не спрошу. Он мои мысли читает! Из-за этого, я никак не могу поймать его на провокационных вопросах.

– У нас в Оренбурге такое было. Один монах – схимник тоже читал мысли чекиста. И что мы сделали? Угадай?

– Не знаю.

– Монаха стали допрашивать сразу два чекиста. Мысли одного он прочитает, а мысли сразу двух вряд ли! Понятно?

– Так точно.

– Если понятно, то бери следователя Буратаева и иди, допрашивай снова.

– Слушаюсь, – ответил молодой человек и радостный вышел из кабинета.

Были и другие подобные случаи. Однажды пришли молодые сотрудники и сказали, что уже второй день не могут арестовать монахов в буддийском дацане.

– Мы видим, как они заходят в храм, идём за ними, а их там нет. Осматриваем весь храм, все уголки. Вокруг храма стоят красногвардейцы. Выйти они не могли. Но в помещении их нет. Словно они испарились!

– Значит, есть какая-то хитрость, которую мы не знаем..., – сказал Щемилин.

– Шапка-невидимка что-ли?

– Не знаю, что гадать теперь?

– Есть приказ арестовать, как его выполнять?

– Подойдите к настоятелю и скажите, что если он не выдаст монахов по списку, то вы сожжёте храм.

Угроза подействовала. В тот же день монахи были арестованы.

Щемилин снискал себе славу опытного работника. У Василия с Ксенией появились друзья. Их стали приглашать в гости.

Как-то их пригласили к себе супруги Кузины, жившие в соседнем доме. Александр Кузин был коллегой по работе, работал в том же отделе, что и Василий. Его супруга Валентина возглавляла музыкальную школу. Она сама музицировала и неплохо спела для гостей романс «Очи чёрные».

На вечеринке собралось много народу, и голос Валентины произвёл впечатление на гостей. Слушатели хлопали и некоторые кричали «Браво».

Не хлопала только Ксения. Романс напомнил ей детство. Этот романс пела её мать Лидия Николаевна под аккомпанемент деда. Нахлынули воспоминания. Ксения задумалась.

К ней подошёл хозяин дома и спросил:

– Вам не понравилось, как поёт Валя?

– Отчего же не понравилось? Понравилось.

– Тогда почему вы не хлопали?

Ксения не знала, как ответить. Чтобы перевести разговор на другую тему, она взяла с полки какую-то деревянную статуэтку и спросила:

– А что это?

– Какой-то идол.

– Откуда он у вас?

– Брали какого-то шамана, у него в юрте и экспроприировал.

– Стоит она как-то у вас не на видном месте, – сказала Ксения, только для того, что бы не возвращаться к разговору об аплодисментах. Знала бы она, что не следовало это говорить. Что её фраза в каком-то смысле станет роковой. Однако не всегда мы ведаем, что творим.

– А мы сейчас поставим её на видное место, – сказал хозяин дома. Взял гвоздь и прибил идола к стенке, так что гвоздь проткнул грудь статуэтке.

Прошла неделя. Кузин пришёл в поликлинику, где работала Ксения с жалобой на то, что у него на груди появилась опухоль. Ксения осмотрела его и увидела, что опухоль появилась именно в том месте, в которое он забил гвоздь идолу. Ей стало не по себе.

Она передала Александра Кузина дежурному врачу и сразу отпросилась домой. Дома она рассказала мужу о случившемся.

– Ты представляешь? Опухоль у него образовалась именно в том месте, в которое он забил гвоздь идолу!

Василий отмахнулся от жены. И произнёс с раздражением:

– Опять ты со своими религиозными штучками? Ну, когда ты перестанешь верить в это?

– Никогда, – ответила со злостью Ксения и добавила: – ты забыл, как у тебя ноги отнялись? Ты забыл, как врач заставлял тебя молиться?

– Ладно, ладно не злись, давай не будем ссориться. Вспоминать прошлое..., – пошёл на попятную, Василий. И попытался замять разговор.

Здесь следует сказать, что есть люди, для которых жизненные уроки не проходят даром. К таким относилась Ксения. И есть люди, которые, напротив, не замечают того, что подсказывает им жизнь. Упорно не хотят внимать урокам жизни.

На таких людей тяжело смотреть. Это всё равно, что смотреть на слепого, который идёт к краю обрыва, к пропасти. Ты ему кричишь: «Там пропасть! Там пропасть! Не иди туда!» А он всё равно идёт.

Потому конфликт между Ксенией и Василием носил не случайный характер. Это был принципиальный конфликт. Ксения сильно переживала от того, что муж не понимает знаков свыше. Она не ходила в церковь, не молилась, вела себя так, как это было возможно среди окружающих, но знаки судьбы она видела.

То, что опухоль у Кузина возникла ровно в том месте, в которое он вбил гвоздь идолу, по её мнению было знаком свыше. В тот же день она пошла в дом Кузиных, и попросила Валентину продать ей статуэтку.

Хозяйка широко улыбнулась и ответила:

– Если вам нужна эта безделица, возьмите её даром!

После этих слов идол был выковырян из стены и вручён Ксении. Ксения поехала в ближайшую деревню. Там попросила указать где живет шаман.

Местные жители не хотели этого делать. Но Ксения предложила деньги. И её отвели в дом шамана. Там она показала идола и рассказала всё, что произошло с Кузиным.

Закончила свой рассказ вопросом:

– Как спасти человека? У него уже большая опухоль!

– Надо смазывать продырявленное место медвежьим жиром, – ответил шаман.

Ежедневно по три раза в день Ксения смазывала идола медвежьим жиром. Через неделю Кузин пошёл на поправку, а через месяц опухоль исчезла.

Как только Александр излечился, Ксения отвезла идола тому самому шаману, который дал совет, смазывать идола жиром, и попросила принять от неё в дар идола. Шаман с радостью согласился, и она вручила статуэтку.

Однако судьбе было угодно ещё раз испытать, как Василия, так и Ксению. Вообще это было время испытаний.

Шёл 1931 год.

В Читинское отделение ОГПУ пришёл приказ разрушить ступу Агван Силнама¹, находящуюся в Кижинге. Начальник попросил Щемилова поехать в Кижингу вместе с молодыми сотрудниками, и провести мероприятие.

30 июля рано утром машина с тремя сотрудниками ОГПУ выехала в Кижингу. По дороге Щемиллов стал листать документы по Агвану Силнаму. В документах было указано, что Агван Силнам вместе со своим учителем Лобсан Санданом противостоял атаману Семёнову. За что оба были посажены в тюрьму в 1919 году.

¹ **Агван Силнам** – в миру Доржи Бадмаев – родился в 70-х годах девятнадцатого столетия в селе Ушхайта в 10 километрах от Кижинги в семье среднего достатка. Был учеником величайшего бурятского йогина Лубсан Сандана, учился у него в Кижинге и по его наказу ездил в Монголию, Тибет и Китай. В 1919 году Агван Силнам умер. Точные обстоятельства его смерти сегодня неизвестны. Тело его было нетленным. Покойного Агвана Силнама посадили в красный деревянный ящик, в руки ему вложили ваджр (основной тантристский атрибут, символ буддийского метода) и дильбу (колокольчик, символизирующий мудрость). Ящик замуровали в Субурган, вокруг которого верующие совершали молитвенные обходы. Простояла Ступа недолго. Легенда гласит, что на месте разоренного Субургана нашли бумагу, написанную рукой самого Агвана Силнама. Там были названы время разрушения, имена тех, кто это сделал, и кармическая кара, ожидающая каждого из них.

Агвана Силнама арестовывали дважды. Вскоре после второго ареста Агван-лама скончался. Скончался после освобождения из тюрьмы по дороге домой. И тело его оказалось нетленным. – Агван Силнам был йогином такого уровня, – говорит один из очевидцев, – что смог войти в высшую стадию созерцания «самадхи»² и достичь нетленности. Покойного Агвана Силнама посадили в красный деревянный ящик, в руки ему вложили ваджр (основной тантристский атрибут, символ буддийского метода) и дильбу (колокольчик, символизирующий мудрость). Ящик замуровали в Субурган, (наружность ступы) вокруг которого верующие совершают молитвенные обходы.

Чтобы прекратить эти молитвенные обходы, был дан приказ разрушить ступу. До места добрались к полудню. Возле Субургана уже ждали местные комсомольцы с кирками и молотками. Они должны были помочь разрушить Субурган.

Щемилов вышел из машины. Поздоровался с комсомольцами. Затем сказал короткую речь о вреде религии. После чего поручил сотрудникам Сабакаеву и Кромешкину заложить взрывчатку.

Приказ был скоро исполнен, всем велели спрятаться за деревья. Затем подожгли шнур и прогремел взрыв.

После того, как пыль и дым рассеялись, все присутствующие увидели разрушенный купол Субургана и сидящего внутри ступы в красном ящике Агвана Силнама. Старик был как живой, кожа его совсем не истлела, в правой руке святой держал какую-то бумагу.

Щемилов, как старший, первым подошёл к разрушенной ступе. В это время подул ветер. Листок бумаги, который держала мумия, вылетел из руки святого и полетел в сторону Василия. Долетев до него, он прилип к его груди. Щемилов оторвал со своей груди бумагу и стал разглядывать её.

На ней что-то было написано. Однако прочесть он не мог, ибо написано было по-бурятски.

Василий поманил пальцем одного из бурят – комсомольцев, прятавшегося за деревом. Когда тот подошёл он попросил перевести, то, что написано.

Комсомолец стал читать вслух:

– Эта ступа будет взорвана тридцатого июля тысяча девятьсот тридцать первого. В разрушении будут участвовать Щемилов, Сабокаев, Кромешкин и далее перечислялись фамилии всех, кто присутствовал при разрушении ступы.

Когда чтец прочитал свою фамилию. Он остановился, затем посмотрел по сторонам, бросил листок на землю и, сорвавшись с места, убежал. Его примеру последовали все местные комсомольцы. Побросав кирки, они быстро ретировались.

Василий поднял с земли бумагу и сунул её в карман.

В этот момент к нему подошёл Кромешкин и сказал:

– Начальник, поехали домой.

Щемилов кивнул.

Кромешкин залез в автомобиль и стал заводить мотор. Но мотор не заводился. Василий подошёл к Кромешкину и спросил:

– Что случилось?

– Думаю, двигатель заклинило, Василий Сергеевич.

– Добираемся каждый своим ходом, – скомандовал Щемилов.

² **Самáдхи** – в [индуистской](#) и [буддийской медитативных](#) практиках – состояние, при котором исчезает сама идея собственной индивидуальности (но не сознание) и возникает единство воспринимающего и воспринимаемого. Самадхи есть то состояние [просветления](#), достигаемое медитацией, которое выражается в спокойствии сознания, снятии противоречий между внутренним и внешним мирами (субъектом и объектом), слиянии индивидуального сознания как [микрокосма](#), с космическим абсолютом, как [макрocosмом](#). Самадхи – последняя ступень восьмеричного пути ([Благородный Восьмистадийный Путь](#)), подводящая человека вплотную к [нирване](#).

– Машину оставляем здесь?

– Конечно, а что с ней сделается, если двигатель не работает. Завтра за ней приедут и отбуксируют...

До дома добрался Василий только к поздней ночи. На следующий день на работе он узнал, что никто из чекистов, которые были с ним при разрушении ступы, не вернулся домой. И Сабакаев, и Кромешкин погибли по дороге. Их загрызли волки.

Но самое странное в их гибели было, то, что в той самой бумаге в которой указывалось когда и кто взорвёт ступу, было указано также, что Сабакаев и Кромешкин примут смерть от зверя. Как оно и случилось.

В бумаге было написано про каждого, кто участвовал в разрушении Ступы. Названы были не только фамилии, но и кармическая кара ожидающая каждого...

Было написано и про Щемила. О нём говорилось, что он умрёт от болезни. Два дня Василий ходил сам не свой. На третий день всё рассказал жене. Она потребовала, что бы он немедленно уволился из ОГПУ.

– Если завтра не подашь заявления, послезавтра я заберу Петьку, и больше ты ни меня ни сына не увидишь.

Впервые Василий послушался супругу. На следующий день записался на приём к начальнику Сбруеву и положил заявление на стол.

– Я хочу знать причину увольнения? – спросил Сбруев.

– Жена требует, – ответил он, тяжело вздохнув, и тут же добавил: – После гибели Сабакаева и Кромешкина.

Начальник кивнул, и это означало, что он принял довод, как веский.

– И куда думаешь идти? Где работать?

– Не знаю ещё. Не думал над этим.

– Работать—то где-то надо. У тебя ребёнок маленький. Небось, каждый день есть просит?

– Просит. Ещё как просит!

– Давай-ка мы тебя в милицию определим? Я даже перевод смогу сделать из нашего ведомства в их!

Так и порешили. Сбруев позвонил начальнику городского управления милиции. Отрекомендовал Щемила с положительной стороны и тот дал добро.

Уже через неделю Василий работал следователем в городском отделении милиции. Это была совсем другая работа. Совсем в другой области. Там ловили людей, которые нарушили закон. Там не надо было взрывать храмы, могилы. Запугивать людей. В каком-то смысле, это была более чистая работа. И работал Василий с удовольствием до 1940 года.

Прошёл ещё год. Как-то вызвал его к себе начальник милиции и сказал:

– Здесь дело такое, надо конфисковать у шаманки Удган Сэсэг юрту. Чтобы не жила она возле города. Юрта её недалеко за городом. И горожане каждые выходные толпой к ней идут. Вообще-то это не наше дело. Это дело ОГПУ. Но они его сбросили на нас. Отвертеться от этого дела не удалось, и вот я вспомнил, что ты же у нас работал в ОГПУ?

– Работал.

– Будь добр, займись этим. Ты знаешь, как от неё избавиться. А я тебе премию выпишу!

Начальник долго уговаривал, много чего обещал. В итоге уговорил таки Щемила заняться прежним делом.

Дав согласие, Василий подумал: «Была бы жива Ксения, не согласился бы я на это дело никогда!». Но Ксении не было и поехал он вместе с двумя подчинёнными выгонять шаманку.

– Давай выселяйся из юрты, – сказал, обращаясь к шаманке Василий. И добавил: – рабоче-крестьянская власть конфискует у тебя жильё!

– А где же я буду жить? – спросила шаманка.

– А вот ты духов местности почитаешь. Пусть теперь они о тебе и позаботятся.

– Не уйду я отсюда никуда, – ответила шаманка и уселась на свой ритуальный трон. В своём ритуальном наряде.

Щемилин обратился к двум милиционерам, пришедшим вместе с ним:

– Что будем делать? – спросил он.

– Надо поджечь юрту, сама уйдёт отсюда, – сказал один из милиционеров.

Так и сделали. Обложили юрту хворостом и подожгли. Думали, шаманка выскочит из жилища, а она, к их большому удивлению не выскочила, а сгорела вместе с юртой.

Милиционеры вернулись домой. Пришёл домой и Ще-милин. Через два дня скоропостижно умерла Ксения, заразилась от холерного больного. Петру в то время было 10 лет.

Похоронив жену. Щемилин запил. Петр, увидев пьяного отца сказал, что напишет дедушке в Оренбург, и уедет от него.

На следующий день Щемилин взял кол и веревку, направился на место сожжения шаманки. Там он вбил кол на то место, где стояла юрта. Привязал себя за шею к этому колу и кричал каждому проходящему:

– Это я шаманка Сэсэг, не узнаёте меня что ли?! А ну-ка бегом ко мне на обряд!

Через день его забрали в психо-лечебницу. И признали его душевно-больным. Петю забрал в Оренбург дед Григорий. Он же его и вырастил, и раз в год привозил в Читу на свидание с отцом.

Когда Петр достиг совершеннолетия, то он поступил в медицинский институт. Окончил его с отличием по специальности психиатрия и попросил распределения в Читу.

Его направили на работу в Читинскую психо-лечебницу, где он снова встретился с отцом, и говорят, даже вылечил его.

Так заканчивается эта история. Говорят, что Василий, после выздоровления стал набобжен, и учил всех, что следует прислушиваться к тому, что говорит вам жизнь, что подсказывается вам свыше.

Сосед

Позвонили в дверь. Баир никого не ждал. Он всего три дня тому назад снял квартиру, в которой находился, и поэтому весьма удивился звонку. «Кому я понадобился, в незнакомом районе?» – подумалось ему.

Открыв дверь, он увидел женщину средних лет. Она вежливо поздоровалась, и слегка нервничая, спросила:

– Скажите, вы ведь священник?

– Да, я лама, – ответил Баир: – а вы кто?

– Я управдом, зовут меня Марья Васильевна.

– Очень приятно, – ответил он и представился: – Лама Баир.

– Я к вам по деликатному вопросу. Не знаю даже с чего начать.

– А вы пройдите в квартиру, я вас чаем угошу. Глядишь, и придумаете с чего начать!

У меня есть хороший китайский чай...

Марья Васильевна махнула рукой и произнесла:

– Спасибо вам, я лучше здесь постою. В общем, так: в нашем подъезде, на первом этаже пытался повеситься Басагадаев. Он уже третий раз пытается наложить на себя руки. И, слава Богу, пока удаётся его остановить.

Марья Васильевна говорила скороговоркой, и нервничала. Она вынула из рукава платок и вытерла капли пота, выступившие на её щеке, затем продолжила, также скороговоркой: – У нас у русских, это ужасный грех... Не знаю, как у вас?

– У нас это тоже плохо.

– Раз так, не могли бы вы поговорить с ним? Сегодня соседка в окно случайно увидела, как он прикрепляет ве-рёвку с петлёй за крюк от люстры. Она подняла крик. Ворвалась в его квартиру, и поэтому удалось помешать этому делу. Но ведь завтра или послезавтра мы не увидим, и ничего не будем знать. И в результате он, рано или поздно, добьётся своего...

– Я понял, – сказал Баир и быстро стал одевать куртку: – В какой он живёт квартире?

– В третьей.

Баир накинул сумку на плечо и снова спросил:

– А зовут его как?

– Делгер Дамбаевич, ему шестьдесят один год.

Баир закрыл дверь на ключ и вместе с управдомом стал спускаться вниз по лестнице к третьей квартире.

Марья Васильевна по пути стала рассказывать о том, почему, по её мнению, Делгер Басагадаев хочет свести счёты с жизнью. Она рассказала о том, что от него два месяца назад ушла жена Туяна. И что его восемнадцатилетний сын Биликто, якобы торгует наркотиками.

Лама внимательно выслушал и когда они подошли к двери третьей квартиры, попросил Марью Васильевну представить его Делгеру Дамбаевичу.

Марья Васильевна нажала на кнопку звонка. Дверь открылась и перед ними предстал пожилой мужчина в очках.

– Здравствуй Дамбаевич! – задорно произнесла управдом.

– Здравствуйте, – ответил хозяин квартиры и вопросительно посмотрел на пришедших.

– Может, в домпустишь? На ветру, особенно не поговоришь....

– Проходите, – сказал Басагадаев и впустил гостей в квартиру.

Квартирка оказалась небольшой, двухкомнатной. Хозяин пригласил гостей на кухню, жестом показал, что можно сесть, а также предложил кофе с молоком.

Гости вежливо отказались.

– Спасибо дорогой. Кофе я не буду. Некогда, дел нев-проворот. Я уже сейчас побегу. Просто я хотела тебя позна-комить с нашим новым соседом.

Она обернулась в сторону Баира.

– Его зовут Баир. Он живет прямо над тобой, только двумя этажами выше.

Басагадаев протянул руку и произнёс:

– Делгер.

Баир пожал руку, и сказал:

– Баир.

Марья Васильевна торжественно произнесла:

– Баир лама, и хочет побеседовать с тобой. Поговори с ним, пожалуйста. А я побегу, что бы вам не мешать.

Управдом ушла. Баир остался наедине с шестидесятилетним Басагадаевым.

– Что вы хотели мне сообщить, молодой человек? – спросил хозяин, подчёркивая их разницу в возрасте.

Басагадаев был в два раза старше Баира и смотрел на него несколько свысока.

Баир это понял и, смутившись, произнёс заученную фразу:

– Согласно нашей традиции, прерывание текущей жизни ухудшает карму и в следующей жизни вам будет труднее, чем....

Баир не успел закончить фразу, как Басагадаев прервал его, подняв указательный палец вверх.

– Извините, что прерываю, – сказал он: – Но я не верю ни в карму, ни в последующую жизнь... И в Бога или там в Будду тоже не верю. Можете не утруждать себя душеспасительной речью.

Лама смутился и встал со стула, чтобы уйти. Но затем вдруг резко спросил:

– Положим в Бога вы не верите, но во что-то же вы верите?

– Уже ни во что не верю, молодой человек, – произнёс Басагадаев, почесав шею.

– А в то, что дважды два четыре, вы верите? – с блеском в глазах спросил лама.

– Верю... – удивился хозяин.

– А в то, что завтра будет солнце светить, верите?

– Ну, в это тоже верю.

– Вот видите, выходит, что во что-то вы все же, да верите! – победоносно произнёс Баир.

Басагадаев пожал плечами, сделал вид, будто не понимает победоносного тона Баира и сказал:

– Это же элементарные вещи? Их все знают, соответственно в них верят.

– А вот верить, что завтра будет лучше, чем сегодня, тоже элементарно. Но я хочу, что бы мы об этом поговорили у меня, – Баир показал пальцем наверх, в сторону места нахождения своей квартиры: – за чашкой китайского чая. Вы, знаете, у меня есть замечательный китайский чай. Приглашаю вас на чай. Заодно и беседу продолжим?

Басагадаев улыбнулся и обещал прийти. Баир улыбнулся в ответ и ушёл довольным.

Однако радость его была преждевременной. А преждевременной она была потому, что хотя Басагадаев и обещал прийти, но обещал больше для виду, что бы не выглядеть невежливым.

Баир этого не понял и в течение нескольких дней ждал гостя. Так и не дождался. Здесь следует сказать, что Баир только вступил в должность священнослужителя. И по существу это было его первое дело, как священника. Впервые к нему обратились, за помощью. Впервые его попросили помочь, спасти человека. И он очень хотел это сделать, но не знал как?

Не зная, что делать, Баир обратился за советом к своему духовнику и наставнику Санжай ламе. Духовник выслушал Баира и сказал следующее:

– А ты понаблюдай за ним. Наверняка он куда-то ходит? В магазин—то он точно ходит! Или на рынок? Может даже в рюмочную?

– И что мне там, в магазине, с ним завести разговор? —спросил Баир: – Это же будет глупо выглядеть?

– Ты можешь завести разговор по пути домой из магазина, – возразил наставник: – И тогда это не будет выглядеть глупо... Вы ведь живёте в одном доме? Это ведь так?

– Так.

– Ну вот, и поговори с ним по пути из магазина домой.

Баир последовал совету духовника. И стал наблюдать за соседом.

Выяснилось, что Басагадаев ходит и в магазин, и на рынок. В магазине он берёт молоко и хлеб. А на рынке покупает мясо. Баир даже знал, в какое время он идёт в магазин, и в какие дни ходит на рынок. Но подойти к соседу всё откладывал, не решался.

И вот однажды случилось следующее. Баир увидел, как Басагадаев испугался того, что чёрная кошка перебежала ему дорогу. Долго стоял он, как вкопанный, озирался и ждал, когда кто-то пройдёт вперёд него по тому месту, где пробежала кошка.

Увидев эту сцену, Баир сказал сам себе: «Да он суеверен!». Мысль в голове священника стала двигаться дальше. Пришло следующее суждение: «Если он суеверен, значит, верит в приметы. Надо воспользоваться его верой в приметы!». И он воспользовался этой слабостью соседа.

Вот как это произошло. Баир приобрёл на рынке чайник из обожженной глины, ручной работы. Затем взял кисть, чёрную краску и написал на чайнике молитву.

В тот же день лама с чайником в руках встретил соседа, возвращавшегося из магазина, и сказал:

– Уважаемый сосед, так как вы не пожелали прийти ко мне чай, то я хочу подарить этот чайник с обещанным китайским чаем внутри.

Баир вручил чайник соседу. Тот был удивлён. И ему ничего не оставалось, как принять подарок и поблагодарить соседа.

Как только Делгер Дамбаевич взял чайник в свои руки, Баир вынул из рукава деревянную палочку и продолжил речь:

– У этого чайника есть одно удивительное свойство. Если прочитать вот эту молитву двадцать пять раз, – священник указал палочкой на надпись, – и ударить вот этой палочкой по надписи, столько же раз, то исполнится загаданное желание.

Сказав эти слова, лама вручил палочку соседу и, попрощавшись, быстро ушёл. Делгеру Дамбаевичу ничего не оставалось, как занести подарок в дом.

Дома, он поставил чайник на кухне. Поставил его на видном месте. И даже прочитал молитву написанную ламой.

На следующий день Баир пошёл в военкомат. Добился встречи с военкомом и спросил:

– Я хотел бы узнать, почему Биликто Делгерович Басагадаев, живущий по улице Лермонтова дом шесть квартира три, не призван служить в армию? Ему уже восемнадцать лет. Он не учится в институте. Почему он не исполняет свой воинский долг?

– А вы его родственник?

– Нет.

– А почему вас это интересует?

– Я священнослужитель местного храма. Поэтому и интересуюсь.

– Сейчас поищем его карточку, – сказал военком и стал рыться в бумагах.

Через какое-то время он нашёл карточку, посмотрел на неё и сказал:

– У него отсрочка в связи с тем, что болеет его мать, и он за ней ухаживает...

Слова военкома не вязались со словами управдома Марии Васильевны, которая говорила, что Делгера бросила жена два месяца назад. «Как она могла бросить мужа, если она болеет?» – подумал Баир. И направился к управдому.

Мария Васильевна, когда услышала слова о том, что мать Биликто Туяна болеет, рассмеялась во весь голос.

– Она здорова, как лошадь! На ней пахать и пахать! А военком взяточник, здесь каждый второй знает, что если занести ему тысячу баксов, он любого освободит от армии. Получил взятку, дармоед, теперь говорит, что Туяна больна! Вот негодяй!

Услышав эти слова, Баир написал большое письмо руководству Бурятского военного округа. В конце письма он просил призвать к военной службе Басагадаева Биликто Делгерovichа, который приносит много хлопот соседям и полиции.

Письмо возымело действие, и через неделю за Биликто приехала машина из военкомата. Ему дали тридцать минут на сборы и по истечению этого времени погрузили в машину и отвезли в военкомат. Это событие произвело сильно впечатление на соседей.

– Замечательно! – сказала управдом: – Теперь по ночам наркоманы не будут стучаться, и не будут будить!

– Одной проблемой меньше, – облегчённо сказал участковый лейтенант.

– Тебе самому надо было написать в округ! – сказал Баир, который также присутствовал при отправке Биликто.

Участковый развёл руками и пожал плечами.

– Я докладывал начальству, оно не реагировало. А лезть через голову начальства, это всё равно, что могилу себе рыть.

Но больше всех был рад отец Биликто. Он был несказанно рад. Это было видно по его лицу. К нему подошла Мария Васильевна и тихо произнесла:

– Впервые вижу тебя улыбающимся! Ты рад?

– Ну, конечно. Там из него человека сделают, – ответил Делгер Дамбаевич. И когда военкомовская машина скрылась за поворотом, он сказал:

– Маша, пошли я тебя чаем угощу. Мне лама китайский чай дал, такой вкусный!

– Так ты и его пригласи, вон он стоит рядом с участковым?

– Ой, да! А я и не обратил внимания, – ответил Делгер Дамбаевич.

– Твои мысли, Дамбаич, были заняты другим.

Басагадаев согласился с ней и затем пригласил всех присутствующих на чай. За столом был разрезан вафельный торт, и каждый попробовал необыкновенный китайский чай.

– Его можно заваривать двенадцать раз, – пояснил Баир.

– Да что вы говорите? А я и не знал, и выбросил использованную заварку. Вот дурак! – рассмеялся хозяин дома.

– Не волнуйтесь, я вам ещё дам, – успокоил его лама и в этот момент в разговор вступил участковый.

– Делгер, а что написано на этом чайнике? Я то по-бурятски не разумею.

– Надо было в школе учить бурятский, – заметила Мария Васильевна.

– Как будто бы ты учила? На, прочти!

Участковый сунул ей чайник. Она стала разглядывать буквы, произносить их, но смысла не поняла.

– Это молитва, – сказал Делгер: – Если прочесть её двадцать пять раз и ударить вот этой палочкой по чайнику столько же раз, то исполнится загаданное желание.

– А ты пробовал так делать? – спросила управдом.

– Нет, но теперь обязательно попробую! – ответил Делгер Дамбаевич.

– А потом расскажешь, исполнилось или нет, хорошо? – сказал участковый. Басагадаев кивнул.

– Если исполнится, я тоже загадаю! – воскликнул лейтенант.

– И я, – вставила своё слово управдом.

После чаепития, Баир вызвался провожать Марию Васильевну и по дороге спросил:

– А к кому ушла Туяна?

– К Намдакову.

– Кто это?

– Вы, Батора Арслановича не знаете?

– Нет, не знаю.

– Это известный человек в городе. Глава Горстроя.

– Сколько ему лет?

– Сорок, также как и Туяне. Они учились вместе в институте.

– Выходит Туяна младше Делгера Дамбаевича на двадцать с лишним лет?

– Да, он женился на девятнадцатилетней Туяне, когда ему было сорок. А теперь пожинает плоды. Мораль, не женитесь на молодых, иначе в старости вырастут рога.

– А Намдаков до того, как сошёлся с Туяной, не был женат?

– Был и не один раз. Он ещё тот ходок.

– И дети есть?

– Трое. Мальчик от первого брака и две девочки от второго.

– Выходит, Туяна, уйдя от Басагадаева, разбила не только свою семью, но и семью Намдакова?

– Если честно, то ничего она разбивать не хотела. Встречалась по-тихому на съёмной квартире с Батором. И я, как женщина, её понимала. Вышла замуж девка по молодости за сорокалетнего, а теперь ему шестьдесят. Он не может ей дать того, что ей хочется. А хочется ей обычной женской радости. Вот и завела она себе Намдакова. И всё было бы гладко, никто бы ничего не узнал. Если бы Батора не выследила жена. А жена у него, таким палец в рот не клади. Такой кипишь устроила. Мама не горюй! Всех на уши поставила. И родню Батора, и Туяну и даже бедного Делгера. В итоге забрала девочек и уехала в деревню к матери.

И вот здесь наступил момент истины. Если бы Туяна повинилась перед мужем. Перестала бы изменять, всё обошлось бы. Дамбаевич такой человек, что самого чёрта простит. Но Батор остался без женщины. А без бабы он не может. И он потребовал Туяну. А теперь её муж пасёт, и так просто из дома не улизнуть! И вот тут нашла коса на камень.

С одной стороны Дамбаевич смотрит в оба. С другой стороны Батор требует секса, ну и пришлось выбирать. Кому-то из них надо было отказать. И в итоге Дамбаевич полез в петлю – управдом тяжело вздохнула.

Посмотрела на Баира и сказала: – Всё-таки как хорошо, что ты отговорил его! Она схватила пальцами своё горло и добавила: – От этого!

– Я его не отговаривал.

– Что же, всё само собой рассосалось?

– Ещё не рассосалось.

– Он вроде бы смеяться стал. Гостей собирает. Не похож уже на самоубийцу?!

– Ошибаетесь дорогая, мысли о самоубийстве к нему приходят. И угроза ещё не миновала. Это просто сегодня с его плеч свалилась большая проблема, которая сильно давила на него...

– Биликто?

Баир кивнул и продолжил: – Но это вовсе не значит, что он снова не полезет в петлю.

– Господи помилуй! – воскликнула Мария Васильевна и перекрестилась. Затем спросила: – Когда же можно будет облегчённо вздохнуть?

– Не знаю, я каждый день за него молюсь.

– И я буду за него молиться! – сказала управдом.

На следующий день утром, когда Баир, выйдя из дому, проходил мимо окон Басагадаева, он вдруг услышал стук палочки об чайник.

Ему вспомнились слова Басагадаева, сказанные накануне: «Это молитва, если прочесть её двадцать пять раз и ударить вот этой палочкой по чайнику столько же раз, то исполнится загаданное желание». «Значит, он что-то загадал!» – подумалось Баиру.

Здесь следует сказать, что у Баира, несмотря на то, что он приехал в город сравнительно недавно уже образовался какой-то круг прихожан и самым активным из них был главный врач центральной городской поликлиники Жамсо Дондаков. Он был того же возраста, что и Баир. Когда-то они учились в одной школе. Жили рядом. И вот теперь у них завязывалась настоящая дружба.

Однажды Баир спросил у Жамсо:

– Ты знаешь Намдакова?

– Главу Горстроя? Кто же его не знает? К тому же он наблюдается в нашей клинике. Я лично раз в три месяца осматриваю его.

– Почему раз в три месяца?

– Так положено. Горстрой оплачивает медицинскую страховку сотрудникам, и мы обязаны раз в три месяца осматривать всех Горстроевцев. А что нужно-то?

– Можно ли сделать так, что ему поставят, якобы случайно, неправильный диагноз, а потом через некоторое время извиняться за ошибку и скажут правильный?

Жамсо задумался на некоторое время, затем произнёс:

– Вообще-то это должностное преступление, но если очень нужно, то я это сделаю ради тебя!

– Очень нужно. От этого зависит жизнь человека.

И Баир рассказал ему историю Делгера, как тот трижды накладывал на себя руки из-за того, что ушла Туяна.

– А Туяна, я так понимаю, ушла к Намдакову.

Баир кивнул и продолжил мысль.

– Что если мы подвергнем их жизнь испытанию?

Баир заложил руки за спину и прошёлся по комнате.

– Вдруг выясняется, что он сильно болен и скоро может умереть. Как в этом случае поведёт себя Туяна? Если это большая любовь, она останется у постели любимого. А если это не так, то мы спасём жизнь Делгера.

Жамсо согласился с рассуждением и обещал исполнить просьбу Баира.

Следующим утром, проходя мимо окон соседа, Баир снова услышал стук деревянной палочки об глиняный чайник. «Он молится о возвращении жены!» – подумал лама и сразу позвонил Жамсо. Жамсо ответил, что выполнил просьбу.

Через день Намдакову сообщили о том, что у него плохие анализы. Он вместе с Туяной пришёл в клинику и сделал повторные анализы. И они тоже оказались плохими.

Туяна сама была медицинским работником, работала медицинской сестрой в детской больнице. Она разбиралась в диагнозах. Увидев анализы, она пришла в ужас.

Вскоре о болезни Батора Арслановича узнали его родственники. Из Иркутска приехала сестра. Из Агинска первая жена с сыном. И из деревни вернулась вторая жена с дочерьми. Все, конечно же, жалели больного и предлагали свои услуги, но вместе с тем родственники преследовали и свои личные цели. Вскоре они собрались все вместе, и задали вопрос о наследстве. Намдакову прямо дали понять, что нужно, что бы он распорядиться своим имуществом, как можно быстрее. Сестра и жёны потребовали срочно составить завещание.

Руководителю Горстроя ничего не оставалось, как подчиниться родственникам. Он вызвал нотариуса, и при нём объявил свою волю. Батор Арсланович распорядился так: дача доставалась первому сыну, квартира двум дочерям, а машина сестре.

В общем, все остались довольны, кроме Туяны, которой ничего не досталось, потому что она никакого юридического статуса не имела. Батор умолчал о ней в завещании, потому как насели родственники, и каждому надо было что-то дать! А имущества было не так много.

Туяну это задело, и сильно задело. Она собрала вещи и ушла, бросив на прощание Батору: – Вот пусть родственники за тобой и ухаживают!

Он старался удержать её. Сказал, что переписшет завещание. Но Туяна понимала, что это только слова. Что ничего он переписывать не станет, а если даже и захочет, родственники не дадут этого сделать. Она уехала к матери.

Делгер же тем временем, каждое утро брал чайник, читал молитву, и после каждой прочитанной молитвы, произносил вслух, что хочет, что бы к нему вернулась жена и бил деревянной палочкой по чайнику.

И вот однажды, когда он очередной раз ударил палочкой по чайнику, после очередной молитвы раздался звонок в дверь. Он открыл дверь и увидел на пороге свою тещу.

– Здравствуй, Делгер, – сказала она.

– Здравствуйте, Долгара Санжаевна, – сказал удивлённый Делгер и пригласил женщину в дом: – Проходите...

Но Долгара Санжаевна осталась стоять на месте. Делгер удивлённо посмотрел на неё.

– Нет, – сказала она: – Я не переступлю порога твоего дома до тех пор, пока ты не простишь мою дочь за её ужасный грех.

– А разве теперь это имеет значение? – спросил он.

– Имеет, – сказала она.

– Тогда считайте, что простил и проходите в дом. Я вас чаем угощу. У меня есть хороший чай!

– Он взял её под руку и потянул в квартиру. Но она упёрлась.

– Что-то ещё?

– А если бы она вернулась, пустил бы ты её в дом?

– Ну, конечно пустил бы!

– Тогда вон она, – Долгара Санжаевна указал рукой в сторону открытой подъездной двери: – Сидит на скамейке. Пойди, и приведи её в дом.

Делгер выглянул, и действительно, увидел сидящую на скамейке Туяну. Он подошёл к ней и сказал:

– Что ты не заходишь? Это твой дом.

Туяна не выдержала и разрыдалась. На этом, пожалуй, можно было бы и закончить историю. Но хотелось бы упомянуть об одном эпизоде, который произошёл через полгода после этих событий.

Как-то утром Баир проходил мимо окон Басагадаева и тот окликнул его в окно.

– Не мог бы ты зайти ко мне на минуту?

– Что случилось?

– Я когда стучу палкой по чайнику, палка почему-то проходит сквозь чайник! Вот это как раз то, что я и хочу тебе показать!

– Как она может пройти через чайник?

– Не знаю, посмотри.

Баир весьма удивился сказанному и, несмотря на то, что торопился, зашёл к Делгеру. Тот, пробурчал слова молитвы, и ударил по чайнику палочкой, а палочка, действительно, прошла сквозь чайник, не издав ни звука.

– Прямо чудо какое-то! Сделай ещё раз! – попросил Баир. Тот снова прочитал молитву и ударил палочкой, и палочка снова провалилась в чайник. То есть прошла сквозь его стену.

– И так всё утро! – посетовал Делгер.

– Ты, видимо, молишься за кого-то постороннего. Ни за сына, ни за жену, а за чужого по крови тебе человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.